

В. Истринь, *Alexandria russische Chronographen. Исследование и текст.* Москва. 1893.

Dario Carraroli, *La leggenda di Alessandro Magno.* Torino. 1892.

E. A. Wallis Budge, *The life and Exploits of Alexander the Great, being a series of aethiopic texts edited from manuscripts in the British Museum and the Bibliothèque nationale.* Paris. London, 1896, 2 vv.

M. Gaster, *An old hebreic romance of Alexander, translated from hebreu Mss. of the twelfth century* (въ Journal of the Royal Asiatic Society, July, 1897).

H. Christensen, *Die Vorlagen des byzantinischen Alexandergedichtes* (оттискъ изъ Sitzungsberichte der philos.-philol. und der hist. Classe der k. bayer. Ak. d. Wiss. 1897, Hft. I, 1897).

В. Истринь, *Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ.* Москва. 1893 (изъ 1-го выпуска «Трудовъ славянской комиссіи» при Императорскомъ Археологическомъ Обществѣ).

I.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Истринь издалъ русскій или славяно-русскій переводъ Псевдокаллистонова романа въ четырехъ извѣстныхъ ему редакціяхъ и прослѣдилъ внутреннюю и вѣшнюю исторію его текста, исторію накопленій, подъ вліяніемъ новыхъ источниковъ, сознательныхъ или безсознательныхъ обработокъ и сокращеній. Обстоятельное введеніе въ изданный имъ памятникъ, являясь въ хронологическомъ смыслѣ какъ бы надтройкой къ моей работѣ объ источникахъ Сербской Александріи¹⁾, указываетъ не только на начитанность автора, особенно въ рукописной литературѣ, но и на критицизмъ, идущій на встрѣчу всѣмъ

1) Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 131 слѣд.

завутанным вопросом и часто находящий путь разрешения. Может быть, первую главу введения (стр. 1—68) о судьбах Псевдокаллистоена на востоке и западе, которым посвящен и близкий очерк Каррароли, следовало поставить несколько иначе: она дает и много и мало. Я понимаю, что автор лишь мимоходом коснулся поздних восточных версий Александрии (стр. 68), но на древней сирийской и эфеской пересказы (по сколько последний был ему известен из Budge-Nöldeke) следовало обратить большее внимание. Наоборот, перечисление западных обработок заняло, по моему, слишком много места, тогда как на русскую Александрию он не взглянул. Одна, впрочем, из них, именно поэма Ульриха фон Эшенбах, вызвала сравнение ее автора с составителем второй редакции нашей Александрии, кь выгоды будто бы последнего: и тот и другой развивали содержание Псевдокаллистоена материалом, взятый со стороны. Ульрих черпал из рыцарской, наш редактор из знакомой ему полуперсиковой, полусвятой литературы, но он то и оказался на высоте призыва: хотя у него были под руками христианские памятники, он так искусно приспособил их к Александру, что не получилось смещения языческого с библейско-христианским, поражающее у Ульриха — и, добавлю, в Сербской Александрии и ее источник. Но в средние века такое смещение было единственно возможным средством усвоения, между прочим, поэтического: герои античного эпоса усваивались в формах христианского либо христианско-феодалного героизма, потому что для объективного понимания не было критерия. Иное дело компилятор: связанный готовыми текстами, который затеял развитие, он не выходил за пределы его мирозерцания, держался его при выборе новых подробностей, назначенных осветить старый рассказ. Я различаю между цѣльностью усвоения и цѣльностью сохранения; о последней только и может идти речь и, мне кажется, г. Петрич приписал своему второму редактору слишком много сознательности, стилистического умения — понасть в том оригинала и провести его последовательно (см. напр. стр. 175, 188, 189, 234, 239—40 и passim). Сербская Александрия сообразила тем же, чем Ульрих, и пошла, если не в том оригинала, то в том общества; ее больше и читали.

Несколько замечаний к западным пересказам, анализированным в введении: Клеопатра née de Pinceneis = печенгиз; Lufis = Лютин (стр. 55); Arcus = Геркулес (стр. 57); рип. Лампрехта из Vogau и Базель, не Форонская и Баслеровская (стр. 61 и passim); не валийское наречие, а welsch, т. е. французское или романское (стр. 62). Вообще было бы кь выгоды читателя, если бы введение дольше остановилось на анализе тех источников Александриной саги и тех ее подробностей, которые повлияли на обработку нашего текста; это облегчило бы потом разбор частностей. Так в пересказах Псевдокаллистоена В, С не упомянут эпизод о Гог и Магог (стр. 11 слѣд.), он является в

отчете о содержании французского романа (стр. 55), и лишь позже (стр. 93 слѣд.) поднимается вопрос об источнике этого отъѣзда у Псевдокаллистоена В, С и во второй редакции нашей Александрии (стр. 189—191). Так и Iter ad Paradisum надлежало разобрать особо, а не упомянуть только по поводу источников Ульриха фон Эшенбаха (стр. 64); о Тайная Тайных говорится, если не ошибаюсь, впервые, в связи с 5-й редакцией Александрии (стр. 303).

Тогда как Сербская повесть об Александрии широко распространялась в отдельных списках, как роман, перевод Псевдокаллистоеновского текста привязан к хронографу и историческому сборнику, на него смотрели, стало быть, как на исторический рассказ, да и последующие компиляторы вносили в него фантастические подробности не в романтических помыслах. Впрочем, отдельные списки Псевдокаллистоеновской Александрии, извлеченные из хронографов, встречаются чаще, чем можно было бы заключить по введению автора (см. стр. III, 123, 250, 312). Г. Петрич подверг их тщательному разбору, изучил их отношение к редакциям Псевдокаллистоена, установленным Миллером, не минуя и синодального списка, из которого проф. Васильевский издал Сокращенный византийский сборник XI века, я — несколько *Алѣксѣдрокъ*; коснулся и вопроса об источниках византийской поэмы XIII—XIV века, озаглавленной Вагнером: *Висъ Алѣксѣдрокъ* (в рип. *Алѣксѣдрокъ ѿ βασιλέως*)¹⁾. Оказывается, что наша Александрия переведена была с какой нибудь разновидности греческой редакции В (стр. 69; сл. 86, 87: совпадение с L; 90, 91: с C, L; 92: с A, C, L; 95; 97 слѣд.). Но где сделан перевод? Нет оснований называть нашу Александрию русской или болгарской, говорит автор (стр. III); каки-либо особенности, указывающие на югославянский перевод, нет, отвечает он в другом месте; быть может, в русских списках сгладились все особенности югославянского письма (стр. 138; сл. стр. 136). Вопрос остался нерешенным. В этот то перевод конца XII или начала XIII века внесен был из *тогда* уже перевода Амартола (не из Юсефа Флавия, как полагал я, сл. стр. 119 прим. 7) эпизод о посещении Александрией Иерусалима; в этом видѣ наш текст слышен в XIII веке с хроникой Маламы (см. стр. 135—136, 250) и получить место в том историческом сборнике 1262 г. (автор называет его Иудейским хронографом), составленным в западной Руси, на Литви (стр. 358, 360), который послужил оригиналом Архивского = Вилен-

1) См. стр. 23 слѣд. Вопрос этот был основательно пересмотрен Christensen'ом в статье (Die Vorlagen des byz. Alexandergedichtes. München, 1897), любезно доставленной мне автором уже при последней корректуре предлагаемого разбора. Общие выносы собраны на стр. 103—4, 112—113, 118; автор высказывает предположение, что в чертѣ владѣющей редакцией Псевдокаллистоена (В) рип. L, *Висъ*, оригинал славянского перевода, отчасти и С, представляють особую группу, византийский источник которой ближе стоял к А', чем другие передѣлки маламты (В).

запутанным вопросам и часто находящий путь разрешения. Может быть, первую главу введения (стр. 1—68) о судьбах Псевдокаллистоена на восток и запад, которым посвящен и общий очерк Каррароли, следовало поставить несколько иначе: она даст и много и мало. Я понимаю, что автор лишь мимоходом коснулся поздних восточных версий Александрии (стр. 68), но на древней сирийской и эфеской пересказы (по сколько последний был ему известен из Budge-Nöldeke) следовало обратить большее внимание. Наоборот, перечисление западных обработок заняло, по моему, слишком много места, тогда как на русскую Александрию он не взглянул. Одна, впрочем, из них, именно поэма Ульриха фон Эшенбах, вызвала сравнение ее автора с составителем второй редакции нашей Александрии, к выгоде будто бы последнего: и тот и другой развивали содержание Псевдокаллистоена материалом, взятый со стороны. Ульрих черпал из рыцарской, наш редактор из знакомой ему полупереховной, полусвятой литературы, но он то и оказался на высоте призвания: хотя у него были под руками христианские памятники, он так искусно приспособил их к Александру, что не получилось смещения языческого с библейско-христианским, поражающее у Ульриха — и, добавлю, в Сербской Александрии и ее источник. Но в средние века такое смещение было единственно средством усвоения, между прочим, поэтического: герои античного эпоса усваивались в формах христианского либо христианско-феодалного героизма, потому что для объективного понимания не было критерия. Иное дело компилятор: связанный готовыми текстами, который затеял развитие, он не выходит за пределы его мирозерцания, держался его при выборе новых подробностей, назначенных осветить старый рассказ. Я различаю между цѣлностью усвоения и цѣлностью сохранения; о последней только и может идти речь и, мне кажется, г. Петрич приписал своему второму редактору слишком много сознательности, стилистического умения — понасть в тон оригинала и провести его последовательно (см. напр. стр. 175, 188, 189, 234, 239—40 и passim). Сербская Александрия сообразила тем же, чем Ульрих, и пошла, если не в тон оригинала, то в тон общества; ее больше и читали.

Несколько замечаний к западным пересказам, анализированным в введении: Клеопатра née de Pinceneis (Pinceneis = печенег); Lufis = Лютичи (стр. 55); Arcus = Геркулес (стр. 57); рип. Лампрехта из Vogau и Базель, не Форонская и Баслеровская (стр. 61 и passim); не валийское наречие, а welsch, т. е. французское или романское (стр. 62). Вообще было бы к выгоде читателя, если бы введение дольше остановилось на анализе тех источников Александриной саги и тех ее подробностей, которые повлияли на обработку нашего текста; это облегчило бы потом разбор частных. Так в пересказах Псевдокаллистоена В, С не упомянуть эпизод о Гог и Магог (стр. 11 сл.), он является в

ответе о содержании французского романа (стр. 55), и лишь позже (стр. 93 сл.) поднимается вопрос об источнике этого отбѣла у Псевдокаллистоена В, С и во второй редакции нашей Александрии (стр. 189—191). Так и Iter ad Paradisum надлежало разобрать особо, а не упомянуть только по поводу источников Ульриха фон Эшенбах (стр. 64); о Тайная Тайных говорится, если не ошибаюсь, впервые, в связи с 5-й редакцией Александрии (стр. 303).

Тогда как Сербская повесть об Александрии широко распространялась в отдельных списках, как роман, перевод Псевдокаллистоеновского текста привязан к хронографу и историческому сборнику, на него смотрели, стало быть, как на исторический рассказ, да и последующие компиляторы вносили в него фантастические подробности не в романтических помыслах. Впрочем, отдельные списки Псевдокаллистоеновской Александрии, извлеченные из хронографов, встречаются чаще, чем можно было бы заключить по введению автора (см. стр. III, 123, 250, 312). Г. Петрич подверг их тщательному разбору, изучил их отношение к редакциям Псевдокаллистоена, установленным Миллером, не упоминает и синодального списка, из которого проф. Васильевский издал События византийского боярина XI века, я — несколько *Аѳѣ Александрии*; коснулся и вопроса об источниках византийской поэмы XIII—XIV века, озаглавленной Вагнером: *Виз. Аѳѣ Александрии* (в рип. *Аѳѣ Александрии*; *ὁ βασιλεύς*)¹⁾. Оказывается, что наша Александрия переведена была с какой нибудь разновидности греческой редакции В (стр. 69; сл. 86, 87: совпадение с L; 90, 91: с C, L; 92: с A, C, L; 95; 97 сл.). Но где сделан перевод? Нет оснований называть нашу Александрию русской или болгарской, говорить автор (стр. III); каких-либо особенностей, указывающих на югославянский перевод, нет, повторяет он в другом месте; быть может, в русских списках сгладились все особенности югославянского письма (стр. 138; сл. стр. 136). Вопрос остался нерешенным. В этот то перевод конца XII или начала XIII века внесен был из *тогда* уже перевода Амартола (не из Иосифа Флавия, как полагал я, сл. стр. 119 прим. 7) эпизод о посещении Александрией Иерусалима; в этом видѣ наш текст слышен в XIII веке с хроникой Маламы (см. стр. 135—136, 250) и получить место в том историческом сборнике 1262 г. (автор называет его Иудейским хронографом), составленном в западной Руси, на Литви (стр. 358, 360), который послужил оригиналом Архивского = Вилен-

1) См. стр. 23 сл. Вопрос этот было основательно пересмотрен Christensen'ом в статье (Die Vorlagen des byz. Alexandergedichtes. München, 1897), любезно доставленной мне автором уже при последней корректуре предлагаемого разбора. Общие выводы собраны на стр. 103—4, 112—113, 118; автор высказывает предположение, что в чертѣ владимирцев Псевдокаллистоена (В) рип. L, *Виз.* оригинал славянского перевода, отчасти и С, представляют особую группу, византийский источник которой ближе стоял к А', чем другие передатки луганцы (В).

скаго списковъ (см. гл. VII, стр. 317 слѣд.). Если переводъ лѣтописи Мала, попавшій въ оригиналъ Архивскаго списка, сдѣланъ былъ пресвитеромъ Григоріемъ для болгарскаго царя Симеона (стр. 357), то гдѣ же вставленъ былъ въ него переводъ Александрии съ эпизодомъ изъ Амартола, тоже въ готовомъ славянскомъ переводѣ? Вѣроятность склоняется въ пользу южнославянскаго происхожденія русской Александрии древнѣйшей Псевдокаллистоеновой редакціи. Иначе вопроса я рѣшить не удалось.

Изъ этого текста путемъ переходныхъ обработокъ (см. стр. 243 слѣд.; 247) выработалась не позже начала XV вѣка (стр. 24) такъ называемая 2-я редакція Александрии, внесенная во вторую редакцію Еллинскаго и Римскаго лѣтописца, но составленная до этого включенія (стр. 140 слѣд.). Ея авторъ, литературное умѣнье котораго г. Истрикъ, какъ мы видѣли, ставитъ очень высоко, распространилъ готовую повѣсть вставками изъ различныхъ источниковъ (см. ихъ перечень на стр. 239), между прочимъ, изъ откровеній Меодія, изъ Епифанія Кипрскаго, изъ сказанія объ Индѣйскомъ царствѣ, изъ Физіолога, откуда взяты эпизодъ о Горгоніи уже въ связи съ Александромъ (см. стр. 230 слѣд.; Парифеъ, Физіологъ, стр. 385—6, прим. 2), что дало мнѣ поводъ предположить существованіе этого эпизода въ какомъ нибудь южно-славянскомъ, стало быть и греческомъ текстѣ Александрии. Осторожнѣе было бы выразиться: въ какомъ нибудь преданіи объ Александрѣ. Г. Истрикъ (стр. 212, 221) допускаетъ, что такія устныя преданія могли заходить на Русь; когда при другомъ случаѣ, по поводу изображенія на Дмитровскомъ соборѣ Александра, несущагося на гравѣяхъ, мнѣ пришлось выразиться, что уже въ XII вѣкѣ Александрия была популярна на Русь, и имѣлъ въ виду не тотъ или другой текстъ романа объ Александрѣ, а комплексъ захожихъ о немъ преданій (см. стр. 214, прим. 3).

Сербская Александрия являлась на Русь приблизительно въ XIV—XV вѣкахъ (стр. 251), ею воспользовался нѣкто, сократившій текстъ разсмотрѣнной нами 2-й редакціи и очень немногое къ ней добавившій. Къ этой посредствующей персѣ — X, не сохранившейся въ запискахъ, г. Истрикъ возводитъ, путемъ сравнительнаго изученія подробностей, третью (стр. 252 слѣд.) и четвертую редакціи Александрии, помѣщенныя въ хронографахъ 1-й редакціи, нераздѣленною на главы и раздѣленною; и эти хронографы и включенныя въ нихъ Александрия восходятъ къ оригиналу того же состава: хронографъ — X, XV-го вѣка, и то и другое южнославянскаго происхожденія (стр. 286). Если такъ, то гдѣ же составлена 2-я редакція Александрии, переработкой которой является текстъ X? На Русь или на славянскомъ югѣ, на который, мы видѣли, указываетъ и генеалогія 1-й редакціи?

Дальнѣйшая исторія Александрии въ русской письменности (стр. 289—316) представляетъ рядъ отрывочныхъ явленій, не возбуждающихъ особаго интереса. Намѣчается пятая редакція начала XVII вѣка и нѣсколь-

отдѣльныхъ текстовъ съ заимствованиями изъ Мартина Бѣльскаго, Historia de Preliis и др.

II.

Почему Сербская Александрия пользовалась большою популярностью у русскихъ читателей, чѣмъ Александрия Псевдокаллистоеновскаго типа, хотя бы во второй редакціи, распространенной новыми романтическими подробностями? Авторъ (стр. 250—1) видитъ тому причину въ большей романтической Сербскаго романа, въ обиліи сентиментальныхъ рѣчей, прозисосимыхъ дѣйствующими лицами, пейзажизмовъ, напоминавшихъ любимаго Пчелы; наконецъ въ томъ, что Александръ являлся полухристианскимъ героемъ. Именно этой метаморфозой, шедшей на встрѣчу народному пониманію, авторъ объясняетъ себѣ и большую популярность разсказа. Усвоеніе героическихъ типовъ въ средѣ народностей, не создавшихъ ихъ, заимствъ отъ интенсивности общечеловѣческаго содержанія этихъ типовъ: въ Александрѣ манила тайна великаго человѣческаго могущества и величія, безысходныхъ передъ смертью, въ Соломонѣ божественная, всепроникающая мудрость, уловляемая мелкой хитростью. Не даромъ тотъ и другой стали героями всемірнаго эпоса; романъ объ Александрѣ проишлъ даже къ Малайцамъ и Сіамцамъ; но каждый народъ усваивалъ ихъ въ мѣру своего пониманія, своихъ общественныхъ и религіозныхъ порядковъ и воззрѣній. Тогда какъ на западѣ Александръ отиѣтилъ идеалу рыцаря, у персійца онъ сталъ персійциномъ, сыномъ персидскаго царя, Аристотель — его визирь; арабы сдѣлали Александра слугителемъ Аллаха, сербская Александрия — проповѣдникомъ библейскаго Бога, готовымъ сосудомъ христіанства; такъ и въ египетскомъ оригиналѣ, переработанномъ около 1670 года на арабскій языкъ священникомъ Иоасафомъ, по прозвищу Abū Suwaidāt; его переводъ былъ популяренъ среди сирийскихъ христіанъ¹⁾.

Еще дальне пошло христіанизированіе въ сирийскихъ и зононскихъ Александрияхъ. Въ Сирийской литературѣ существуетъ переводъ Псевдокаллистоена (типа А), сдѣланный въ VII—VIII вѣкѣ съ утраченнаго негелійскаго оригинала (VII в.)²⁾, но уже въ 514—515 годахъ составлена была

1) Почерпая послѣднюю подробность у Noldeke, Beiträge z. Gesch. des Alexanderromans (Wien 1890), стр. 54. Автору извѣстно была лишь работа Каппа о греческой Александрии Визской рукописи, не мое изданіе текста. На сербскую Александрию онъ не обратилъ вниманія. Въ Аламанахъ греческой (и сербской) повѣсти онъ видитъ ижеменъ (?); Сакулитъ = Солохитъ, сл. ib. стр. 53 и прим. 2; Изъ исторіи стр. 167—8; (А. Веселовскій, Гастеръ и Гарканъ) Новая дилемма для исторіи романа объ Александрѣ стр. 26. — О грузинскомъ переводѣ Александрии, сдѣланномъ съ сербскаго текста позже XIV вѣка, можетъ быть, въ XVI-мъ, сл. сообщеніе г. Хаданова въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1893, сентябрь, стр. 241 слѣд.: Грузинская повѣсть объ Александрѣ Манедомскомъ и сербская Александрия.

2) Хронологія и опредѣленіе источника по Noldeke, съ которымъ согласенъ теперь и Budge. О другихъ мнѣніяхъ см. Carraroli стр. 97 слѣд.

сирийская легенда об Александрѣ¹⁾, въ которой метаморфоза совершилась и Александръ не только является вѣрующимъ во единого Бога, но и надѣется дожить до явленія Спасителя. — Части сирийскаго Псевдокаллистоена, съ включеніемъ въ него сирийской же легенды, перешли, черезъ посредство утраченнаго арабскаго перевода, въ эоипскую письменность. Недавно явившееся роскошное издание Беджа знакомитъ насъ съ цѣлымъ рядомъ эоипскихъ памятниковъ, касающихся легендарной исторіи Александра. Мы займемся двумя изъ нихъ: собственно переводомъ Псевдокаллистоена и такъ называемымъ «христіанскимъ романомъ» объ Александрѣ²⁾, останавливаясь на ихъ общемъ содержаніи и тѣхъ сказочныхъ подробностяхъ, которыя не находятъ себѣ параллелей въ другихъ Александріяхъ; нѣкоторые изъ эпизодовъ, повторяющихся въ разныхъ версияхъ романа, будутъ разсмотрѣны особо.

Текстъ эоипскаго Псевдокаллистоена списанъ былъ извѣщеніемъ нѣкоего Авраама, въ надеждѣ, что молитвами царя Александра и всѣхъ святыхъ и мучениковъ онъ удостоится спасенія, избѣгнетъ ада и при второмъ пришествіи Спасителя сидѣть одесную Его съ двѣнадцатью апостолами³⁾. «Молитвы Александра» даютъ мѣру той идеализации, которой повѣствовательный матеріалъ Псевдокаллистоена подвергся въ эоипской передѣлкѣ. Многія изъ ея оцѣнокъ, сравнительно съ оригиналомъ, находились вѣроятно уже въ арабской посредствующей версіи: арабы, да и эоипы не интересовали событія, имѣвшія изъ глазъ грековъ особый смыслъ, какъ-то: побѣда Александра на играхъ въ Пулѣ, завоеваніе имъ Оивъ, гегемонія надъ Ассирами и т. п.⁴⁾ Христіанская перелицовка, приготовленная авторомъ сирийской легенды, распространена на все содержаніе эоипскаго Псевдокаллистоена: Александръ явился типомъ христіанскаго царя-завоевателя, Аристотель — христіанскимъ мудрецомъ.

Исторія Нектанеба до его бѣгства въ Македонію и его чары съ Олимпиадой разсказана сходно съ Псевдокаллистоеномъ; мать Александра названа Клеопатрой, какъ въ еврейской Александріи особаго типа, пересказанной Гаркави и недавно переведенной Гастеромъ⁵⁾. Новую подробность приписываетъ эпизодъ о Букефалѣ⁶⁾: когда Нектанебъ, соединяясь съ Олимпиадой, омылся въ источникѣ, что было по собѣдству съ подоль-

скимъ храмомъ, одна изъ царскихъ кобылицъ напилась этой воды и зачала въ одно время съ царницей. — Это напоминаетъ сходный мотивъ народныхъ легендъ и сказокъ, въ которыхъ герой и его конь зачаты одновременно отъ плода, цѣвка и т. п.¹⁾ Фирдуси отмѣчаетъ одновременно рожденія Александра и Букефала. — Позже въ битвѣ съ Поромъ Букефалъ сбросилъ съ себя Александра, потому что Поръ велѣлъ своимъ магамъ обратить чары на противника, а конь рожденъ былъ отъ одновоспитанія въ одно время съ Александромъ. Бѣджа напоминаетъ по этому поводу эпизодъ повѣсти о Гейкарѣ, нашемъ Акирѣ: Нектанебъ посылаетъ сказать вавилонскому царю Ликеру и его визирю Эзопу, что у него есть кобылы, зачинающія, лишь только услышатъ ржаніе жеребцовъ въ Вавилонѣ. Это сближеніе говоритъ, быть можетъ, въ пользу того, что эпизодъ о зачатіи Букефала принадлежитъ арабскому оригиналу; въ сирийскомъ текствѣ его нѣтъ. — Вѣднѣй видъ чудеснаго коня не описанъ: по греческому тексту у него было на правомъ бедрѣ пятно съ изображеніемъ бычачьей головы (по Appianу оно было на лбу), на головѣ роги (Pseudo-Call. ed. Müller, I 13, 15; то-же въ Hist. de prel., только вмѣсто одного рога явилось два (quaedam mine corniculorum, Hist. ed. Zingerle стр. 140), какъ и по Солину у Букефала была на лбу два роговидныхъ нароста. Славянскій переводъ Псевдокаллистоена понялъ это такъ, что самъ конь былъ «волоуа глава»; такъ могло быть и въ его подлинникѣ: не даромъ авторъ Вѣдо Александрѣ поправляетъ кого-то: у Букефала было тавро на бедрѣ, *оу мѣху боу; ієієтѣго кєрѣлєу кѣ кєрѣ; 2)*. Въ сирийскомъ текствѣ³⁾ у коня на боку родимое пятно: волкъ, несущій въ пасти быка. Дучиналъ сербской Александріи не стоитъ ли вмѣсто Вучиналъ? Эта гипотеза, подсказавшаяся мнѣ издавна, видимо устранилась показаніемъ сѣверной саги о Göngu-Hrólfi, о которой рѣчь далѣе. И такъ признаки Букефала: бычачья голова и рога. Навоимо восточный знатѣль Александра: Двурогій, что стоитъ въ связи съ происхожденіемъ героя отъ Аммонъ; его конь того же рода, онъ также двурогій.

Слѣдующія подробности снова вводятъ насъ въ Псевдокаллистоена. Когда Филиппъ приставилъ къ сыну Аристотеля, дабы онъ обучилъ его греческой мудрости, о его «христіанствѣ» ничего не говорится⁴⁾, христіанскіе мотивы являются послѣ разсказа о томъ, какъ Александръ отвѣтилъ на высокомерное посольство Дарія и усмирилъ Букефала. Царство будетъ твоимъ по праву, говоритъ сыну отецъ, не даромъ мудрые мужи сказали, что ты становишься властелиномъ всей земли. Первымъ дѣломъ Александра была осада и взятіе Александріи (очевидно, не той, которую онъ осно-

1) О ней см. Nöldeke I. c. стр. 27 и слѣд.

2) Budge I. c. II стр. 1—353, 437—553.

3) Budge I. Introd. стр. II.

4) Ib. стр. XLIV.

5) Новая данія § 1; Gaster, An old Hebrew romance of Alexander (отискъ изъ Journal of the Royal Asiatic society, July 1897, доставленіемъ котораго и обязанъ автору). Въ противорѣчіи съ Гаркави, Гастеръ считаетъ текстъ значительно древнѣ XII вѣка и považиваетъ неама и отрицаетъ его арабскій оригиналъ, стр. 490—1; Гаркави указываетъ на форму Galliorata въ одной рѣк. Historia de Prelis и на эпизодъ сербской Александріи, гдѣ Александръ вѣбзжаетъ въ Римъ съ вѣнцомъ Клеопатры египетской на головѣ; очевидно Клеопатра-Олимпиада.

6) Budge II, стр. 18—19, 35, 121; I Introd. стр. XXXVI—VII и прим. 1.

1) По болгарской легендѣ Сивила-Марія зачала гусыней, отъѣдавшей отъ травы, на которой осталась сѣмя Давида. См. Опытъ по исторіи развитія христіанской легенды II, I, стр. 251—2.

2) Christensen, I. c. стр. 116.

3) Budge II, стр. 37, прим. 1.

4) Budge I. c. стр. 82.

валъ въслѣдствіи). «И онъ поклонился Господу, Великому, положить на него свою вѣру, исповѣдъ, что нѣтъ другихъ боговъ кромѣ Него, что Онъ создатель міра и всего сущаго; и онъ отдался ему во всѣхъ своихъ дѣлахъ. Совершилось все это по волѣ Всемогущаго Бога, да будетъ Онъ похваленъ и поклоняемъ»¹⁾. Отнынѣ Аристотель является христіанскимъ философомъ, совѣтникомъ и другомъ Александра, — вѣ романъ вторгается учительный, библейско-христіанскій элементъ, выражавшійся въ цѣломъ рядѣ поученій, увѣщаній и молитвъ. — Филиппъ не убитъ, какъ у Псевдокаллистоена и въ его отраженіяхъ, а умираетъ естественной смертью, какъ въ еврейской Александріи у Гаркави-Гастера. Воцарившись по смерти отца, Александръ держитъ рѣчь къ своей челяди, двѣ рѣчи — послѣ вѣнчанія; шлетъ посланія къ чинамъ своего царства, при чемъ впервые является его прозвище: «Двуторой»²⁾; къ войску, царямъ и правителямъ, возвѣщая о своемъ обращеніи отъ дѣла грѣха и плоти къ Единому Богу, требуя уничтоженія идолопоклонства; Господь открылъ его умственнымъ очи, далъ ему побѣду; его миссія отъ Бога³⁾.

Между тѣмъ Дарій, услышавъ отповѣдь Александра его посламъ, пишетъ «Тиберию Цезарю, греку» (непонятно у Псевдокаллистоена: то *Tiberius stratioticus*), чтобы онъ доставилъ ему разбойника Александра. Слѣдуетъ новое посольство Дарія и перешника его съ Александромъ, который упрекаетъ своего прага въ высокомеріи, тогда какъ самъ онъ подшвыряетъ свои посланія такъ: «Отъ служителя Всемогущаго Бога, Александра»⁴⁾.

Первый его походъ не противъ Дарія, а въ Египетъ, гдѣ онъ основываетъ Александрію, при чемъ отсутствуютъ чудесныя подробности постройки, хорошо знакомыя изъ Псевдокаллистоена и другихъ его отраженій. Египетъ, Нубія, Эфиопія подчиняются ему, многія области запада приносятъ ему дары, Азія и Сирія для него открыты. Въ Иерусалимѣ его встрѣчаютъ первосвященникъ, ему читаютъ пророчества Давида, и Александръ склоняется передъ книгой закона и молится во Святаго Святыхъ⁵⁾. Къ этому примыкаетъ разсказъ о войнѣ Александра съ Даріемъ до смерти послѣдняго и женитьбы Александра на Роксанѣ; идолы персовъ сожжены⁶⁾; въ слѣдующей за тѣмъ войнѣ съ Персомъ, наслѣдникомъ Дарія, Поръ пугаетъ Александра судьбой арабскаго царя *Deuargô'sa*, которого онъ пачналъ изъ его страны, какъ пестъ гоняетъ овецъ; *Deuargô'sa*

1) Л. с. стр. 38—39.

2) См. Budge II, 46 прим. 1. О прозвищѣ см. Knaat, Mittheilungen aus dem Eski-tal, стр. 36, прим. а; Sarragolli, I. с., стр. 160 слѣд. Связь эпитета «двуторой» съ культами Амона представляется намъ наиболее вѣроятной. Изъ исторіи I, стр. 461. Иначе смотритъ на это Gaster, An old hebrew romance, стр. 488 прим. 1: изъ евр. Maqdon (македонянинъ) — Maqdon: rogatya.

3) Л. с. стр. 40—59.

4) Л. с. стр. 59—71.

5) Л. с. стр. 71—8.

6) Л. с. стр. 77—107.

госъ стоитъ вмѣстѣ Діониса Псевдокаллистоена, которого выгнали отъ себя индійцы¹⁾.

Послѣ того Александръ пожелалъ увидѣть житіе брахмановъ, тѣхъ святыхъ, о которыхъ говорятъ пустынникъ Зосима. — Бѣдѣ съмысляетъ по этому поводу²⁾ на Rosweyde, Vitae Patrum стр. 382, и на палестинскаго подвижника Зосиму, неизвѣстнаго времени. Разумѣется житіе Зосимы, названное по славянскимъ и греческимъ рукописамъ³⁾, которое я давно уже привлекаю къ эпизоду брахмановъ Псевдокаллистоена⁴⁾; въ соответствующемъ эоипскомъ текстѣ, вмѣстѣ Зосимы названъ Герасимъ⁵⁾. И въ хожденіи Зосимы, и въ хожденіи Герасима происхожденіе блаженныхъ объясняется различно; въ эоипскомъ Псевдокаллистоенѣ, какъ и въ сербской Александріи они — потомки Сива, которыхъ Господь укрылъ, во время потопа, въ тайникѣ своихъ сокровищъ⁶⁾.

Къ эпизоду о брахманахъ примыкаетъ писмо Александра къ Аристотелю о своихъ приключеніяхъ и видѣнныхъ имъ чудесахъ⁷⁾. Описание храма на горѣ⁸⁾ отвѣчаетъ Псевдокаллистоену III, 28, но съ библейско-христіанскими подробностями: Александру представляется, что онъ достигъ рая, ибо рай находится на вершинахъ горъ; въ храмѣ покоится на ложѣ закутанная фигура мужа; греческій текстъ разумѣетъ Діониса, въ эоипскомъ это Энохъ; Александру слышатся голоса: твои проводники не знаютъ здѣсь путей, они не поведутъ тебя превыше воздуха, на вершинахъ, гдѣ рай и страна блаженныхъ и обитель святыхъ, Эноха и Ильи, Авраама, Исаака и Якова и всѣхъ, кто уподобился имъ. Они сіяютъ на горахъ, но лишь немногое изъ всего этого открылъ тебѣ Господь.

Слѣдующій эпизодъ посланія встрѣчается лишь въ сирійскомъ и эоипскомъ текстахъ: Александръ приходитъ въ страну, гдѣ жители поклонялись громадиному, демоническому змѣю, похитившему все кругомъ; ему каждый день приводили къ рѣкѣ, у которой онъ жилъ, двухъ быковъ, чтобы предотвратитъ его опустошенія. Александръ велитъ напоянить двѣ бычачьи шкуры соломою, сѣрой, ядомъ и желѣзными кроками; змѣй покралъ все это и околѣлъ. — Это напоминаетъ библейскій разсказъ о змѣѣ Давида и змѣѣ царя Савора въ Иерусалимскомъ Талмудѣ: онъ

1) Л. с. стр. 107—26.

2) Л. с. стр. 126, прим. 1. См. далѣе стр. 129—141.

3) Vassiliev, Anecdota graeco-byzantina, pars prior № 11; Apocrypha anecdota by Montague Rhodes James № 8.

4) Изъ исторіи романа и повѣсти I, стр. 281 слѣд.

5) Budge II, стр. 555 слѣд.

6) См. о нихъ: Изъ исторіи в т. д. I, стр. 267—75 и 295. Budge II, стр. 129, прим. 2 и 3, съсылается по этому поводу на апокрифъ объ Адамѣ и Емѣ: потомки Сива лишались своей святости, съшвышавшись съ дочерьми Каина, почему не могли ни вернуться къ непервѣ сокровищъ, ни войти въ ковчегъ, и погибли отъ потопа.

7) II, стр. 141—187.

8) II, стр. 155 слѣд.

пожирал верблюдовъ и быковъ, и также погибаетъ, проглативъ верблюжью шкуру, набитую соломой и горящими угольями ¹⁾.

Въ разсказѣ о посѣщеніи Александромъ китайскаго царства, все въ томъ же посланіи, разработаны лишь мотивы переодѣванія, встрѣчающійся въ Псевдокаллистенѣ, гдѣ Александръ ходитъ такимъ образомъ къ Пору и Кандакѣ. Китай, это, очевидно, царство Серовъ, откуда Соломонъ бралъ золото на постройку храма; пластитель Китай полонъ житейской мудрости и назидательнаго ведерія. Когда Александръ, явившись къ нему подъ видомъ своего-же посла, говоритъ ему о своихъ побѣдахъ, требуя покорности, онъ совѣтуетъ ему не кичиться и не величаться: Не ты побѣдилъ, а Всемогущій Господь, пославшій тебѣ покорять людей за ихъ прегрѣшенія. А на счастье не надѣйся: оно можетъ отвернуться отъ тебя, какъ отвернулось отъ другихъ. — И онъ даетъ Александру-послу богатые дары и свой собственный вѣнецъ: они готовы платить дань, но никому никогда не подчинялись и не бывали побѣждены ²⁾.

Интересенъ эпизодъ о Кандакѣ, слѣдующій за посланіемъ ³⁾. Тогда какъ въ Псевдокаллистенѣ она — мать двухъ взрослыхъ сыновей и питаетъ къ Александру материнскія чувства, въ некоторыхъ пересказахъ романа измѣнились эти отношенія въ любовную связь. Такъ у Орозіа, у Малави (I, 248), Лампрехта 342, слѣдовавшаго здѣсь, вѣроятно, своему французскому источнику ⁴⁾; такъ и въ сирійско-эвонской Александріи. Кандака признала въ мнимомъ послѣ Александра, называвшагося Антиохомъ, его самого; ея старшій сынъ Канігъ (у Фирдуси: Tindish, у Псевдокаллистена L: Θάξ; у Юліа Валеріа Charagos, такъ, вѣроятно, и въ греческомъ оригиналѣ армянскаго перевода ⁵⁾; у Горіониды Berberon, въ Hist. de prel. Sarator, сербск. то-же, въ еврейскомъ переводѣ Historia: Практоръ ⁶⁾, женатый на дочери Пора, хочетъ убить посла, но, предупрежденный Кандакой, Александръ избѣгаетъ опасности: онъ обѣщаетъ Каниру предать ему самого Александра и такимъ образомъ можетъ свободно удалиться. У Псевдокаллистена онъ удаляется одинъ, въ сербскомъ текстѣ въ сопровожденіи обоихъ сыновей Кандаки; дойдя до поджидавшей Александра стражи, они догадываются, съ кѣмъ были въ товарищствѣ, и страшатся, но Александръ отпущаетъ ихъ милостиво. Въ эвонскомъ пересказѣ Александръ отправляется къ своему войску вдвоемъ съ Канігомъ, при которомъ была тысяча всадниковъ, велитъ ему подождать

его въ дѣсу, куда самъ онъ приходитъ съ нѣсколькими друзьями: Ты хочешь убить Александра, говорить онъ ему, вотъ онъ въ твоихъ рукахъ; подними на меня руку, коли рѣшишься! Онъ отпущаетъ испуганнаго Канира, и былъ потомъ между ними миръ и любовь до конца дней.

Вся эта сцена напоминаетъ восточные источники Боккачьевской новеллы о Митридатѣ ¹⁾.

За несомненнымъ эпизодомъ объ Амазонкахъ ²⁾ слѣдуетъ въ эвонскомъ Псевдокаллистенѣ вставка изъ сирійско-христіанской легенды объ Александрѣ, совсѣмъ не мотивированная предыдущимъ ходомъ дѣйствія ³⁾. На седьмомъ году своего царствованія Александръ собираетъ своихъ вождей и царей и держитъ изъ рѣчь: Господь удостоилъ его своихъ откровеній, а теперь у него явилось желаніе узнать, какова широта земли, сколько въ ней есть и было царей, чѣмъ держатся небеса, не на огненныхъ ли столпахъ, исходящихъ изъ вѣдръ земли; и что ее окружаетъ. Александръ велитъ своимъ изготавиться къ пути. Многіе желали узнать то-же, что и ты, и не могли, отбѣчаютъ ему его люди; а слышали мы, что небеса устроены, какъ жертвенникъ, и на краяхъ его есть отверстіе, откуда исходятъ воды, изливающіяся въ море, что окружаетъ землю. А за этими водами одиннадцать морей, поглощающихъ мореплавателей, а за ними одиннадцать земель и еще одна, длиною въ одиннадцать стадій. А даже великое море, по которому не ходятъ корабли, потому что когда вѣтры вырываются изъ своихъ тайниковъ, на морѣ встаютъ волны, поднимающіяся до неба и опускающіяся до ада (шеола). Ни одна птица не пролетитъ черезъ море по причинѣ великаго смрада, ибо въ тѣхъ волнахъ похоронены тѣла людей, которыхъ Господь наказалъ потономъ; деревья тамъ стоятъ безъ листьевъ, кто зайдетъ туда, погибаетъ.

Отправившись въ путь, Александръ молится; въ сирійскомъ текстѣ есть одна подробность молитвы, которой нѣтъ въ эвонскомъ: Если Мессія, Сынъ Божій, явится въ мои дни, я и мои войска поклонимся ему; если же Онъ не явится, я, покоривъ царей и ихъ страны, поставлю въ Иерусалимѣ мой серебрянный престолъ, дабы, когда Мессія сойдетъ съ небесъ, Онъ возсѣлъ на немъ, ибо Его царство во вѣки, и семьсотъ фунтовъ золота будутъ Ему даромъ отъ меня. Гдѣ бы я ни умеръ, здѣсь, въ Александріи, или другой странѣ, такой вѣнецъ будетъ повѣшенъ на престолѣ, уготованномъ мною для Мессіа, а также вѣнецъ всякаго царя, кто умретъ въ Александріи ⁴⁾. — Александрія—это, очевидно, монархія Александра; вѣнецъ, повѣшенный на престолѣ, напоминаетъ вѣнецъ послѣдняго христіанскаго властителя, который онъ возложилъ, по извѣстному эсхатологическому повѣрью, на древо распятія.

1) Noldeke I. c. стр. 22.

2) См. эпизодъ о посѣщеніи китайскаго царства у Фирдуси.

3) Budge II, стр. 187—212.

4) Изъ исторіи стр. 399; Noldeke I. c. стр. 22.

5) См. *Historia Alexivndrou*, Die armenische Uebersetzung der sagenhaften Alexander-Biographie (Pseudocallisthenes) auf ihre mittelmässige Grundlage zurückgeführt von R. Raabe (Lpz. 1896), стр. 90.

6) Пошла данная, стр. 50.

1) Сл. Боккаччо, его среда и спертинни I, стр. 476.

2) Budge II, стр. 212—216.

3) L. c. стр. 216—241.

4) Budge II, стр. 222 прил. 1.

Запасшись въ Египтѣ искусными ковачами, Александръ отправляется на розыскъ великаго моря, на западъ солнца, ставить тамъ банню съ надписью въ предупрежденіе мореходамъ, что онъ то море заперъ и ключъ въ его рукахъ. Испуганный участіемъ нѣсколькихъ воиновъ, поглощенныхъ волнами, Александръ вернулся обратно къ Евфрату и Тигру и горамъ Gāweš, съ которыхъ наблюдаетъ течение свѣтлалъ, повторная ипсиселія, сдѣланныя Невродомъ; все это онъ разумѣть и записать и наставить тому своихъ друзей. Затѣмъ его путь идетъ на сѣверъ; отъ жителей страны, подвластныхъ персидскому царю, онъ узнаетъ о странныхъ народахъ, Гогѣ и Магогѣ, живущихъ даѣе, а за ними, надъ вершинами горъ, между небомъ и землею, райскія селенія, изъ которыхъ вытекаютъ крестообразно четыре райскихъ рѣки. Александръ запрашиваетъ стѣною нечистые народы, они выйдутъ оттуда по Божію прозволению на кару грѣшнымъ людямъ. Такъ гласитъ поставленная Александромъ надпись: кто не вѣритъ, тотъ повѣритъ пророчеству Іереміа.

На этомъ обрывается сирийская легенда, внесенная въ эоипскій рассказъ, но пересказчикъ не входитъ непосредственно за тѣмъ въ содержаніе Псевдокаллистоена, а вводитъ своеобразный эпизодъ, призывающій къ мотиву хожденія Александра въ область мрака¹⁾. Александръ отправляется туда одинъ, оставивъ войско; ѣдетъ двѣнадцать дней и двѣнадцать ночей, видитъ пздала ангела, державшаго въ рукѣ гору, оплотивъ земли, отца всѣхъ горъ, и все не можетъ до него добраться. Онъ славословитъ Творца; образъ ангела грандіозенъ: его видъ что молнія, гимны подобны грому, когда онъ бесѣдуетъ съ Александромъ, его рѣчь тиха, но слова выпадаютъ изъ устъ, какъ раскаленные уголья. Онъ говоритъ Александру о міросозданіи, о могуществѣ Творца, умиряетъ его сомнѣнія, назидаетъ его и не велитъ превозноситься. Много апокрифическихъ подробностей: область тьмы, куда явился Александръ—это мѣсто рая, откуда былъ изгнанъ Адамъ. Александру казалось, что онъ шелъ по сушѣ, а путь лежалъ по водѣ, а даѣе великое море; на самой горѣ нѣтъ ничего созданнаго, кромѣ тьмы и воды жизни, истекающей изъ подъ Божьяго престола. Отхлѣбавъ еще новое пошлваніе Александрия: это уже не монархія Александра, а что-то другое; изгнанный изъ рая Адамъ поселился въ странѣ, которая звалась Александріей. Когда Александръ спрашиваетъ, что это за гора, которая осталась позади, ангелъ отвѣчаетъ: ода меньше той, которая отдѣляетъ тебя отъ Гога и Магога, но Всемогуцій Господь поставилъ ее, какъ стѣну, раньше чѣмъ ты соорудилъ свою, соорудилъ не по своей власти, а по Божью прозволению. Онъ велитъ ему обратиться вспать, и когда Александръ, ничего не ѣвшій въ теченіи двѣнадцати дней, проситъ его подать ему, послѣ духовной, и тѣлесной пищи, ангелъ подаетъ ему

гроздь винограда, никогда не умаляющуюся; пусть напитаетъ имъ и свое голодающее войско. — Этой подробностью, встрѣчающейся и въ одномъ арабескомъ жизнеописаніи Александра²⁾, компиляторъ эоипскаго Псевдокаллистоена воспользуется, какъ увидимъ, и даѣе. — Александръ плачетъ; что съ тобой? спрашиваетъ ангелъ, а тотъ отвѣчаетъ, что у него есть просьба къ Богу, съ какой никто никогда еще не обращался. Ангелъ, очевидно, провидитъ ее, потому что говоритъ объ источникѣ жизни, находящемся въ странѣ мрака: кто напьется изъ него, достигнетъ божественной мудрости, будетъ летать, какъ ангелы, и не умретъ, пока самъ не испроситъ себѣ смерти отъ Господа. Гдѣ находится тотъ источникъ, ангелъ не знаетъ, укажутъ Александру его мудрецы.

Такимъ образомъ компиляторъ снова вводитъ насъ въ теченіе Псевдокаллистоена, въ эпизодъ о посѣщеніи Александромъ страны мрака³⁾, соединяя рассказъ объ источникѣ жизни или бессмертіи⁴⁾ и драгонѣнныхъ камняхъ, найденныхъ воинами въ пустынѣ⁵⁾, съ прелестной еврейской легендой о чудесномъ камнѣ (шарѣ, яблокѣ)—ненасытномъ человѣческомъ глазѣ, не вмещающій въ составъ греческаго Псевдокаллистоена, но знакомой изъ другихъ Александрій⁶⁾. Въ Псевдокаллистоенѣ источникъ является въ одно и тоже время живущимъ и дающимъ бессмертіе, въ ерсекомъ онъ живитъ и могодитъ; эоипскій присоединяетъ ко всему этому дарованіе божественной мудрости. — Замѣтимъ, что таинственная легенда представляетъ то-же содѣйствіе мотивовъ: источника и камня, какъ и эоипскій Псевдокаллистоенъ⁷⁾.

Вернувшись къ войску и напитавъ въ виноградомъ, полученнымъ отъ ангела, Александръ допрашиваетъ своихъ мудрецовъ объ источникѣ жизни. Знать о немъ лишь Mātūn=El-khid, богобоязненный и вѣщій, молитвы котораго доходны до Бога, какъ сладкій опіумъ; онъ вычиталъ объ источникѣ жизни изъ книгъ. — Вступленіе въ страну мрака описано крайне сбивчиво: очевидно, въ какомъ-нибудь источникѣ сирийско-эоипскаго текста находился извѣстный изъ Псевдокаллистоена эпизодъ объ осликахъ и ихъ жеребятѣхъ, которыми Александръ руководился въ темнотѣ⁸⁾; въ эоипскомъ текстѣ отъ этого остался непонятный отрывокъ: дойдя съ войскомъ до границъ тьмы, до какой-то загадочной статуи, съ одной рукой, поднятой къ небу, другой, опущенной къ

1) Budge I. c. стр. 259, прим. 1.

2) L. c. стр. 262—77.

3) См. о ней: Изъ исторіи I, стр. 221, 229—231, 230, 324; Иеронимъ I. c. стр. 197, 199, 212; Noldeke стр. 25, 26; Budge II, стр. 263, прим. 3, стр. 268, прим. 2; Hertz, Aristoteles in den Alexandererleuchtungen des Mittelalters (1891), стр. 32—35.

4) Изъ исторіи стр. 222, 228; Иеронимъ, стр. 199 слѣд.

5) Изъ исторіи, стр. 230, 277—9, 290, 320—1; Budge II, стр. 271, прим. 1. Hertz I, c., стр. 51 слѣд.; Carraroli стр. 125 слѣд.

6) Сл. еврейскую Александрию въ Новыхъ данныхъ, Гаркави § 16=Gaster §§ 96—98.

7) Изъ исторіи I, стр. 221, 228; сл. стр. 230, 316, прим. 2; Иеронимъ, стр. 196—7, прим. 1.

землѣ (статуя Сезонхоза? См. Pseudocall. С III, 31), Александръ почему то спрашиваетъ: Какое животное сильнѣе? Какое быстрѣе? Ему отвѣчаютъ, что молодая лошадь и верблюдина. Далѣе на поиски источника идутъ Матунъ и Александръ, который даетъ Матуну камень, вынесенный Адамомъ изъ рая: стоитъ бросить его, и путь освѣтится. Матунъ находитъ источникъ жизни, сухая рыба, опущенная въ него, оживаетъ сама; Матунъ, искупавшись въ немъ, молодеетъ, и его помыслы отвлекаются отъ всего земного; о безсмертіи нѣтъ рѣчи. — Матунъ возвращается назадъ съ камнемъ, но никому не говоритъ объ источникѣ жизни; между тѣмъ Александръ сбился на пути къ нему, поднялъ камень, точно съ двумя глазами, испускавшими лучи. Что можетъ быть тяжелѣе его? спрашиваетъ онъ своихъ мудрецовъ; камень все перевѣшивалъ, пока Александръ не посыпалъ его перьями. Это — ненасытное человеческое око, знаменіе наказанія, которое готовить тебѣ Господь, толкують мудрецы: еслибы тебѣ дали золотую и серебряную горы, ты пошелъ бы искать третьей. — Испуганный Александръ рѣшается отказаться отъ поновокъ; обратный путь идетъ въ полдень; слѣдуетъ бесѣда съ птицей въ какомъ-то роскошномъ дворцѣ; это мотивъ Псевдокаллистея, но разработанный своеобразно: птица задаетъ вопросы: много-ли на землѣ зла и обмана и несправедливости? Много, говоритъ Александръ и въ свою очередь ставитъ вопросъ: есть-ли на землѣ люди, излюбленные Богомъ? — Есть, и прішествіе Господне близко. — Птица даетъ Александру гроздь винограда, которымъ онъ питаетъ впоследствии свое войско.

Слѣдующій эпизодъ помѣщенъ греческимъ Псевдокаллистомъ еще въ области тьмы: воины слышатъ, какъ звенитъ земля подъ копытами лошадей. Кто подниметъ что-либо съ земли, расклевается, говоритъ имъ Александръ, кто ничего не возьметъ, расклевается еще богѣе. Раскалывается, кто взять слишкомъ мало, потому что взятое оказалось драгоцѣнными камнями; печалится тотъ, кто не захватилъ ничего. Оборотъ Александровой рѣчи встрѣчается въ такомъ именно видѣ у Фирдуси — и во второй редакціи нашей Александрии ¹⁾.

Всѣ страны и народы походятъ Александру, продолжаетъ эолийскій текстъ ²⁾, позналъ земли и моря, поднялся въ воздухъ на орлѣ ³⁾ и видѣлъ небо. — Между испытаніемъ неба и моря, легендами, извѣстными по Псевдокаллисту С, его отраженіямъ и восточнымъ повѣстаніямъ ⁴⁾, помѣщенъ во второй разъ рассказъ о нечистыхъ народахъ, заключенныхъ Александромъ. — Свои испытанія небесной высоты и морской глубины онъ записалъ самъ.

1) Истрани, стр. 199—200.

2) См. Budge, II, стр. 277—286.

3) Орлы играютъ роль и въ испытаніи моря, лежащаго за небомъ и землею, см. Budge II, стр. 281.

4) См. Истрани I, с. стр. 213 слѣд.; Nöldeke стр. 26; Изъ исторіи стр. 424, прим. 1; Новая данія, стр. 52 (Гастера въ еврейскомъ переводѣ Historia de Preliis, 124 (Гаркави § 17=Gaster § 39—40).

Непосредственно послѣ того онъ отправляется въ Вавилонъ, и развязка романа задерживается лишь преобладающимъ въ его концѣ назидательнымъ элементомъ. Въ Вавилонѣ ¹⁾ Александръ видитъ восемь диконниковъ, устроенныхъ Соломономъ, которые велитъ разрушить, несмотря на отговоры Аристотеля. Шестая отвѣчаетъ талмудической легендѣ о Давидѣ, но болѣе всего ижековскому преданію о горѣ Судомъ ²⁾: въ іерусалимскомъ храмѣ была цѣпь, отличавшая правого отъ неправого. Случилось, что нѣкто отдалъ на сохраненіе деньги одному еврею, и когда потребовалъ ихъ назадъ, тотъ отрекся. Тогда истецъ позвалъ еврея въ храмъ — взяться за цѣпь; еврей расплавилъ вѣренное ему золото, наполнилъ имъ пустую палку и, явившись въ храмъ, далъ ее поддержать истцу, пока самъ клался, схватившись за цѣпь; когда-же онъ снова взялъ палку и вернулся къ цѣпи, она поднялась такъ, чтобы клеветопреступникъ не могъ до нея дотронуться ³⁾.

Второе чудо напоминаетъ стеклянный полъ, подобіе воды, извѣстный изъ легенды о Соломонѣ и царцѣ Савской ⁴⁾: было у подножія престола вмѣстѣлище, полное воды, и былъ на этомъ водоемѣ полъ и коверъ и сидѣнье для царя. Сюда Соломонъ призываетъ судившихся, и они препирались въ его присутствіи, послѣ чего онъ приказывалъ подойти къ нему: правый проходилъ, неправо поклонившійся погружался въ воду.

Воскрѣ послѣ того Александръ заботитъ въ El-Grak'ѣ, (въ Mesopotamian); въ сербской Александрии и ея греческомъ источникѣ: «въ земли нарицаеме Герсеи, въ странѣ халдѣйской, близоу Египта, въ земли Митрономъ сиріемъ (греч. εἰς τὸ παλαιὸν τῶς Συρίας), на рѣцѣ Нилѣ» и т. д. ⁵⁾. Отъ этой болѣзни онъ и умеръ; онъ велитъ писцу Rahāmān'u написать письмо къ Олимпіадѣ, полное утѣшеній, а самого его отвести въ Александрію. Письмо начиналось такъ: Во имя Господа Милостиваго. — Я уже объяснилъ значеніе Герсема-Геесема для локализациі греко-сербского романа: это область Египта между Себенитскимъ рукавомъ Нила и пустыней, гдѣ поселился Іаковъ съ своимъ родомъ; но и Александрію, гдѣ похороненъ Александръ, оказывается палестинскою: его тѣло перенесено εἰς τὴν Παλαιστίνην καὶ εἰς τὸ κλῆτρον τῆς Ἀλεξανδρείας. Это воззрѣніе поддерживается и еврейскимъ романомъ у Гаркави-Гастера: де-

1) Budge II, стр. 286—91.

2) См. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 71—3.

3) Текстъ не ясенъ, и я полагалъ его лишь въ связи съ сходными еврейскими легендами. Точный переводъ будетъ таковъ: когда еврей явился въ храмъ, «палка вырвалась у него и перешла въ руки хозяина золота, а еврей, въ своей злости, пошелъ схватиться за цѣпь, и снова вернулся за палкой, цѣпь тотчасъ же поднялась и т. д.

4) Слав. сказанія о Соломонѣ стр. 344 — 5 и прим. 2 на стр. 345; 347; Опыты по исторіи развитія христ. легенды II, I, стр. 245—6; Южнорусскія быльи II, стр. 162; Потанинъ, Этнограф. Обзоріе XVIII, стр. 28.

5) Изъ исторіи, I, с. стр. 433.

ревня пророчать Александру, что он умретъ въ чужой странѣ, похороненъ будетъ въ израильской землѣ¹⁾.

Разсказъ о смерти Александра составляетъ крайне неуцѣлю по двумъ источникамъ, которые компиляторъ не согласилъ между собою. Въ центрѣ перваго²⁾ стоитъ писецъ Bahāmān, мудрый, ближе всѣхъ стоявшій къ Александру, участвовавшій во всѣхъ его дѣлахъ. Почувствовавъ приближеніе смерти, царь призываетъ его къ себѣ, чтобы повѣдать ему все, что будетъ съ нимъ и другими людьми. Рѣчь Александра полна нравственно-аскетической назидательности, какъ и письмо къ Олимпиадѣ, написанное Bahāmān'омъ (раньше сообщены были только его начальныя слова). — Когда Аристотель узналъ о смерти Александра, онъ написалъ письмо къ Олимпиадѣ: пусть позоветъ на пиръ царей и вельможъ и друзей; поставить передъ ними яства, и пусть дотронется до нихъ лишь тотъ, кто никогда не испытывалъ горя. Олимпиада такъ пугается, но никто не дотронулся до яствъ³⁾; Олимпиада держитъ ямъ рѣчь. — Сбѣдуетъ, безъ посредственной связи съ предыдущимъ, поученіе умирающаго Александра къ ученикамъ, съ библейскими примѣрами — отъ Адама до Соломона (прочесть сыны Каина, оказывается, изгнаны были въ «Александрию») и откровениями будущаго. Твои слова имъ пророческія, говорятъ ученики, и мы будемъ блюсти твои наставленія изъ страха Божія и страха твоего гнѣва.

За этимъ отдѣломъ идетъ другой разсказъ о смерти Александра, ближе къ Псевдокаллистену. Снай произошедъ въ изидѣ письма Александра къ Олимпиадѣ⁴⁾, вызываетъ воспоминаніе о его посланіи къ матери у Псевдокаллистена III, 27—9; его содержаніе — видѣніи Александру чудеса, послѣ чего говорится объ его отравленіи Юлліемъ, близко къ греческому тексту. Тѣло Александра перенесено въ египетскій Вавилонъ, оттуда въ Александрию; гробница сдѣлана, по желанію умершаго, Хроносомъ, мастеромъ надъ всѣми ковачами.

1) Новые данныя, Гаркави § 9=Gaster § 24 (съ вариантомъ: египетской). Въ §§ 27—8 Гаркави—§§ 56—7 Gaster тѣло Александра перенесено въ Египетъ, въ Мокдино (Македонію), что въ Египтѣ.

2) Budge II, 293—333.

3) Эту анекдотическую черту знаютъ Pseudocall. I, Низами и Масуди; она встрѣчается у Honein ben Ishak = Johannicus († 875) въ его Изреченіяхъ эллисофонтъ — и ихъ испанскіе переводы (El libro de los buenos proverbios у Knaft'a, Mittheilungen aus den Eakurial, стр. 41); у Iba-Fatik'a (XII в.=Bosados de oto I. с. стр. 801), Al-Makin'a (Budge II, стр. 375) и въ испанской Александрии. Въ письмѣ императора Юліана къ Аверию № 36 Демокритъ обѣщаетъ Дарію, неутѣшному по смерти своей супруги, оживить ее, если онъ доставитъ ему все для того нужное. Дарій нелицу ему не щадитъ расходовъ, но Демокритъ не доставитъ лишь одного, что можетъ доставить ему развѣ Дарій: имѣть трехъ жонъ, никогда не испытывавшихъ горя; если написать ихъ на гробницѣ усопшей, онъ постанетъ. — Роде стоитъ за греческое, Thienier и R. Koehler за будущаго происхожденіе подобнаго рода разсказовъ.

4) Budge II, стр. 333—33.

Таково содержаніе (сирийско-) эоипскаго Псевдокаллистена. Если я остановился на немъ подробнѣе, то потому, что освѣщеніе, въ которомъ являются въ немъ факты романтической біографіи Александра, сходно съ настроеніемъ сербской Александрии и ея греческаго источника. Выбѣстъ съ тѣмъ получается косвенное подтвержденіе моей гипотезы о египетско-христианскомъ характерѣ послѣдняго. Мое предположеніе основывалось на анализѣ текстовъ, ихъ географіи и сознательно-развитой легендѣ пророка Іереміи¹⁾. Сирийско-эоипскій текстъ даетъ къ тому знаменательную параллель; еще болѣе — христианскій романъ объ Александрѣ, который я разбираю далѣе. Но изъ эоипскаго Псевдокаллистена можно извлечь и другія указанія, не лишеныя интереса по отношенію къ восточнымъ источникамъ западныхъ Александрій: писецъ Рагаманъ, близкій Александру, съ которымъ онъ бесѣдуетъ передъ смертью, которому вѣщаетъ о томъ, что будетъ съ нимъ и другими людьми, напоминаетъ нотарія Симона пространной редакціи Historia de preliis, которому Александръ диктуетъ свое завѣщаніе, которому оставляетъ Каппадокію и Палагонію. Въ еврейской Александрии, переведенной Ибнъ Таббонъ съ арабскаго перевода Historia, Александръ также диктуетъ писцу Симону завѣщаніе: по повелѣнію царя, онъ отмѣчалъ все, что съ нимъ случалось; съ его то подлинника и списана была царемъ Птолемеемъ еврейская Александрія²⁾. Этого-же писца Симона—Симона мы встрѣчаемъ и во французскомъ романѣ объ Александрѣ, по венеціанскому списку: говорится, что разсказъ о немъ найдется былъ на кораблѣ, привезли его изъ *Еипта*, написать его клерикъ Симонъ, на поученіе рыцарей и бароновъ³⁾. Еврейская Александрія, изданная г. Гаркави, упоминаетъ царскаго писца еврея Менахема; г. Гаркави видитъ въ этомъ имени искаженіе *Евмѣи*, какъ дѣйствительно назывался секретарь Александра; къ Евмену приводитъ, по мнѣнію Ландграфа, и Симонъ Нотарій⁴⁾.

III.

Высшей степени христианской идеализаціи достигъ образъ Александра въ эоипскомъ романѣ, который Беджъ отличилъ названіемъ христианскаго, считая его произведеніемъ новаго времени и притомъ не переводнымъ⁵⁾. Содержаніе Псевдокаллистена въ немъ окончательно раз-

1) С. Изъ исторіи и т. д. стр. 331 слѣд., 451.

2) Другое преданіе, восходящее къ V-му вѣку, приписывало романъ объ Александрѣ Аристотелю (См. Hertz, I. с. стр. 28 слѣд.; Sartaroli, стр. 73—4), текстъ Юлія Валерія называетъ своимъ авторомъ Эзопа, тогда какъ по старо-французской поэмѣ и одному списку Iter ad Paradisum исторію Александра написалъ Соломонъ. См. Р. Meyer, Alexandre le Grand I, стр. 119. v. 110; сл. II, стр. 246—7, 298.

3) Новые данныя для исторіи романа объ Александрѣ, стр. 12—14.

4) L. с. стр. 77, 79 слѣд.; 118—119, 145 слѣд.

5) Budge I, Introduction стр. XLX слѣд.; II, стр. 437—553.

ложилось, унаваема лишь общая канва, да нѣсколько эпизодовъ болѣе сохранныхъ, чѣмъ въ эвѣонскомъ Псевдокаллисеевѣ, напр. эпизодъ объ источникѣ жизни. Введены новыя повѣствовательныя подробности, неизвѣстнаго пока происхожденія, мистическій элементъ усиленъ: не только Александръ, но и его отецъ Филиппъ оказываются христіанами до явленія Спасителя; въ надписаніи изданнаго Бѣджемъ текста писецъ или компиляторъ заявляетъ, что станетъ разсказывать о подвигахъ царя Александра, любимаго Господомъ; «да будутъ его молитвы и благословеніе съ тѣмъ, что его любить. Аминь».

Съ самаго начала разсказа Александръ является дѣвственникомъ, аскетомъ, постникомъ и молитвенникомъ, подававшимъ милостыню, преслѣдовавшимъ зло и идолопоклонство. Онъ творилъ волю Божію, и Господь далъ ему власть надъ тысячею царствъ. Особенно восхваляется его дѣвственность, вызывающая сравненіе съ пророкомъ Іліею, Іоанномъ Крестителемъ и императоромъ Гоноріемъ и — обращеніе автора къ мужамъ и женамъ съ проповѣдью пѣломудрѣя ¹⁾. Плутархъ (Vita Alex.) говоритъ, что Александръ долгое время соблюдалъ чистоту нравовъ и въ войскѣ преслѣдовалъ распутство, блаж. Іеронимъ сообщаетъ, какъ онъ не далъ увлечь себя прелестями Каликлены. Такія черты и были обобщены.

Отцемъ Александра является не Нектанебъ, какъ у Псевдокаллисеена и въ зависимой отъ него традиціи, а Филиппъ, какъ у Aubry de Besançon и Лампрехта. Филиппъ, большой астрологъ, узналъ по положенію солнца, что его сынъ будетъ царемъ надъ царями и пѣломудреннѣмъ; онъ задерживаетъ его рожденіе до наступленія благополучнаго часа, какъ то дѣлаетъ у Псевдокаллисеена Нектанебъ.

О юности Александра ничего не говорится; онъ воцаряется по смерти отца ²⁾.

Въ похожденияхъ Александра героическій элементъ исчезъ, нѣтъ рѣчи ни о Даріи, ни о Порѣ, какъ нѣтъ ихъ напр. въ еврейской Александріи особаго состава у Гаркани - Гастера; осталось чудесное, смѣшное съ христіанскимъ, завоеванія сопровождаются уничтоженіемъ идоловъ и ихъ служителей. Загладочно и, вѣроятно, искажено одно извѣстіе, которымъ начинается разсказъ о подвигахъ: на какого-то языческаго царя *Xalkedona* (Kēlkēddn) Господь послалъ бѣса, почему онъ убилъ жену и дѣтей; Александръ, сынъ Филиппа, будетъ мнѣмъ сыномъ, говоритъ онъ, умирая ³⁾. Сербская Александрія и ея греческій источникъ лишь отчасти бросаютъ свѣтъ на значенія этого эпизода. Въ Псевдокаллисеевѣ С Анаксархъ, царь Солунскій, убиваетъ Филиппа; у него сынъ Поликратъ, внукъ Харимедъ; въ греко-сербскомъ текстѣ Анаксархъ — царь Пелагонскій; *Кархидонъ*, греч. *Ἀρχιδωνόβης*, царь Солунскій, не стоитъ съ нимъ въ связи; у послѣдняго сынъ Поликратъ. На Кархидона направленъ первый

походъ Александра, по тотъ шлетъ ему дары и сына съ изъявленіемъ покорности. Я предположилъ въ этомъ Кархидонъ — Халкедонъ ¹⁾; эвѣонскій христіанскій романъ и греко-сербская Александрія восходятъ къ одному забытому преданію.

Александръ отправляется къ народамъ, незнавшимъ Бога и предававшимся чревоугодію (Мидяне и народы *Amalek*), которые по его молитвѣ поглощены Черными моремъ; основывается на границахъ измалѣвшихъ Александрію, пестреющая сѣмя Язетова, осквернявшее свое тѣло и поживавшее нечистыхъ животныхъ, запрашиваетъ *затѣмъ* племена Гога и Магога за стѣной, откуда они выйдутъ лишь во времена Антихриста. Александръ молится, чтобы ему, грѣшнику, дана была сила освободить сыновей Адама, да будетъ имя Господне прославлено во вѣки. Тогда Духъ Господень сошествъ на него, онъ былъ какъ бы въ иступленіи, и ему открыто было, что ему суждено идти еще въ теченіи трехъ дней ²⁾.

Приключенія въ вымершемъ городѣ ³⁾ принадлежатъ къ новымъ сказочнымъ мотивамъ, внесеннымъ въ схему Псевдокаллисеена. Александръ идетъ по направленію къ *Rakânûš*, вправо отъ востока и отъ *Pêrmêlônô*; виднѣтъ крѣпкій городъ, построенный изъ адаманта и металла, крыши золотыя, лошади и двери и утварь драгоценно украшены, вокругъ города огонь и вода, дѣли и пропасти. Тамъ жили когда-то люди, неизмѣнно предававшіеся сладострастію и пляскамъ; они придумали разные музыкальные инструменты, плясали день и ночь, и когда устанали, вмѣсто нихъ плясали механическія фигуры мужчинъ и женщинъ, устроенныя ими. За то Господь наказалъ ихъ, и въ одну ночь всѣ они умерли на своихъ ложахъ. Войско Александра стало подъ городомъ, слышавъ въ немъ музыку, нѣмѣе пѣтуховъ, но никто не является, кто-бы открылъ ворота. Тогда Александръ велитъ нѣкоторымъ изъ своихъ воиновъ взобраться на стѣны и посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Какъ увидѣли они пляшущія фигуры и услышали звуки музыки, воскликнули: Какъ это хорошо! и бросились внизъ, въ городъ; такъ случилось и со вторыми; вполнѣ дѣтскими тѣ, ни другіе не въ состояніи были ни о чемъ разсказать, только что они упали. Наконецъ идетъ самъ Александръ, видѣть пляшущихъ, но Господь открылъ ему глаза, и онъ познаетъ, что это — механическія фигуры; открывъ спускъ въ городъ недалеко отъ того мѣста, гдѣ онъ изомель, онъ возвращается къ своимъ и снова посылаетъ трехъ избранныхъ мужей, наказавъ имъ не смотрѣть и не слушать, а спуститься со стѣны въ городъ, добраться до воротъ и отворить ихъ. Надвѣся, найденная имъ, говоритъ о судьбѣ жителей, навлекшихъ на себя гнѣвъ Божій; прішествіе Александра было предвозвѣщено; ему принадлежатъ драгоценности, которыя онъ найдетъ, другіе-же пусть не уносятъ ничего, иначе они погибнутъ. Александръ объявляетъ о томъ по войску, но мно-

1) Budge II, стр. 437—445.

2) L. c. стр. 445—7.

3) Budge I. c. стр. 447.

1) Изъ исторіи романа I, стр. 165, 175—9.

2) Budge I. c. стр. 448—457.

3) L. c. стр. 457—71.

гиге не послушались его; онъ дивится чудесному устройству механическихъ фигуръ, а для того, чтобы никто ихъ не разрушилъ, устроить знаменіе и велѣтъ своимъ людямъ соорудить образы змѣй и поставить на границахъ и площадяхъ, дабы пугать приходящихъ.

Разсказъ, по видимому, конечно, но еще продолжается, смѣшиваясь съ мотивами заключенія стѣною Гога и Магога: Александръ велитъ сойтись двумъ горамъ, помѣщаетъ между ними музыкальныя диковинки, вынесенныя изъ заколдованнаго города, между прочимъ фигуру, игравшую денно и ночью. Отъ этихъ звуковъ змѣи разбѣжались во все концы земли, и когда собирались снова, чтобы прогрызть тѣ горы, и слышали звуки трубы, воображали, что то явился Александръ, и обращались въ бѣгство.

Разуміются, быть можетъ, «змѣиные народы» — Гогъ и Магогъ, о которыхъ рѣчь шла выше; можетъ быть, повліяло какое нибудь преданіе, вродѣ вошедшаго въ сербскій романъ, гдѣ Александръ велитъ отнести въ Александрію кости пророка Іереміа, дабы избавить городъ отъ змѣй. По Альберту Великому, ссылающемуся на утраченный трактатъ Аристотеля «о природѣ змѣй», у Александра были камни, дававшіе побѣду; онъ носилъ его на поясъ, который сложилъ на берегу, купаясь, а змѣя выкусила камень и уронила въ Евфратъ. Въ одномъ латинскомъ заговорѣ XII вѣка, приписанномъ Александру, онъ наставляеть, какъ орудовать съ змѣей: камень ею извергнутый, исцѣляетъ отъ водяной ¹⁾. Въ преданіяхъ объ Александрѣ мы еще встрѣтимся съ разсказомъ о дѣвушкѣ, вскормленной змѣинымъ млкомъ.

Вернувшись къ легендѣ о жертвѣ городѣ. Она представляется намъ особымъ пересказомъ нашей повѣсти о Вавилонѣ, запустѣвшемъ городѣ, обитаемомъ лишь змѣями; какъ Навуходоносоръ велѣтъ сдѣлать змѣиное знаменіе на утвари и платьѣ и скотѣ, такъ здѣсь нѣчто подобное говорится о знаменіяхъ, положенныхъ Александромъ, и о механическихъ (?) змѣяхъ на улицахъ и площадяхъ. Городъ эоіеоскаго сказанія окруженъ пламенемъ, водою, пропастями; вокругъ Вавилона лежатъ гигантскія змѣи; связь между пустыннымъ Вавилономъ нашей повѣсти и сагой объ Александрѣ указана французскимъ романомъ: Александръ возьметъ Вавилонъ, убьетъ змѣя неуспѣшающаго, подойдетъ къ дракону, окружающему гору ²⁾. Можетъ быть, и механическія фигуры, денно и ночью издававшія звуки среди сомкнувшихся горъ, только перенесены въ эпизодъ, напоминающій заключеніе Гога и Магога, и принадлежали по существу къ Вавилонской повѣсти: Навуходоносоръ устроилъ во вратахъ градныхъ главъ змѣицу, и когда послы въѣзжали въ городъ, наполнялись великаго ужаса, потому что триста кузнецовъ постоянно дули въ нѣхи, и огонь и поломя опалила въѣзжавшихъ.

Интересно и слѣдующее совпаденіе: въ поэму Генриха Нейштад-

¹⁾ Изъ исторій и т. д. I, стр. 337, 339 — 40, 352 слѣд., 375. См. Hertz. I. с. стр. 69—70, прим. 4.

²⁾ Изъ исторій I. с. стр. 405, прим. 1.

скаго включенъ эпизодъ, отвѣчающій нашему сказанію о запустѣломъ Вавилонѣ, и въ ней-же есть разсказъ, тождественный съ разсказомъ епископа Новгородскаго Василія о раѣ. Я имѣю въ виду ту подробность, что люди, взшедшіе не райскую гору, посмотрѣвъ, что тамъ дѣлается, рукоплескали при видѣ ея чудесъ и тамъ и оставались, не принеся вѣсти тѣмъ, кто ихъ послалъ ¹⁾.

Въ эоіеоскомъ текстѣ дѣло идетъ не о горѣ, а о городѣ, какъ у Генриха Нейштадскаго, съ тою разницею, что въ первомъ это городъ грѣшный, покаранный за грѣхи и полный чаръ, тогда какъ у второго вопросъ остается нерѣшеннымъ: это, должно быть, рай, говорятъ спутники Аполлонія; но непосредственно за тѣмъ буря приноситъ ихъ корабль къ скалѣ, точно выштой изъ серебра, на ней замокъ и вертоградъ; Ілья и Энохъ бесѣдуютъ съ путниками, даютъ райскихъ яблоковъ; здѣсь рай, говорятъ они имъ ²⁾. — Представленіе рая, окруженнаго неприступной, жѣдной, огненной стѣною, рая-города, свойственно тѣлому ряду Александрій: его знаетъ сербскій текстъ, Iter ad Paradisum и соотвѣтствующіе эпизоды въ европейскіхъ пересказахъ Александрова романа ³⁾; обитатели рая — Ілья и Энохъ: такъ въ Александріи Ульриха фонъ Эшенбахъ, въ разсказѣ о хожденіи Александра, включенномъ въ Faits des Romains, и, въ Александріи, въ Baudouin de Sebour и Ugo d'Alvernia ⁴⁾. Яблоко могло явиться замѣной камня — глаза; или разумѣется райское яблоко христіанскихъ легендъ: оно отвѣтило-бы той кисти винограда, которую въ эоіеоскомъ Псевдокаллистоу подаетъ Александру ангелъ ⁵⁾.

Рай-городъ, Эноха и Ілью мы встрѣтимъ и въ эоіеоской христіанской легендѣ. Пока въ ея разсказѣ слѣдуетъ вѣщаніе Господа Александру о своемъ грядущимъ воплощеніи и второмъ пришествіи; за тѣлому-дріе и по молитвамъ Александра Господь поставилъ его своимъ пророкомъ и уготовилъ ему вѣчное упокоеніе.

Далѣе ⁶⁾ Александръ идетъ въ египетскій Вавилонъ, основываетъ Александрію (о чемъ уже была рѣчь выше) и снаряжается въ походъ въ страну мрака къ источнику жизни. Мракъ лежитъ надъ моремъ, какъ багдахинъ, высѣянный до неба; солнце выходитъ изъ него, какъ женихъ изъ подъ своего полога, и совершивъ дневной путь, снова входитъ въ него, Александръ хочетъ взять съ собою лишь людей возмужалыхъ, бородатыхъ, ибо они не знаютъ страха, но когда двое юношей изранили себя лицо, чтобы вытянуть волосы, на подобіе бороды, онъ, пораженный ихъ храбростію и доводами, беретъ съ собой всѣхъ, у кого не трепещетъ отъ испуга

¹⁾ См. мои Отрывки византийскаго эпоса въ руссконъ. Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ, и Разсказы № XIX.

²⁾ Strobl, Heinrich von Neustadt, Apollonius, v. 14866—15052.

³⁾ Изъ исторій стр. 277—8; см. Hertz I. с. стр. 54, 55, 60, 73, 76, 80; Новый дан-ный стр. 119.

⁴⁾ Hertz I. с. стр. 56, 76; Изъ исторій I, стр. 320, 323.

⁵⁾ Изъ исторій стр. 321, прим. 1; см. выше.

⁶⁾ Budge, I. с., стр. 471—83.

сердце ¹⁾. Область мрака лежит на водах, что отбъежает представлению эоипского Псевдокаллистоена ²⁾; дабы проникнуть туда Александръ пользуется средством, которое служить ему у Псевдокаллистоена и въ его отраженіяхъ для восхожденія на небо: въ странѣ мрака онъ нащелъ громадныхъ птицъ, которыхъ приручилъ; куски мяса, которые онъ давалъ имъ, онъ уносилъ въ область живыхъ и снова возвращался за кормомъ. Развѣдчики Александра летятъ на нихъ, навѣсивъ передъ ними куски мяса на крючьяхъ, и возвращаются съ вѣстями о пути. Самъ Александръ ѣдетъ на корабляхъ, къ носу которыхъ прирѣзаны бычачьи туши; за ними летѣли птицы и суда двигались при помощи ихъ крыльевъ. За областію мрака открывается градъ блаженныхъ, описанный въ чертахъ обычныхъ такого рода представленіямъ, но самъ Александръ проникаетъ и далѣе: Духъ переноситъ его на конѣ къ престолу Эноха, «пища господнихъ рѣшеній», и Илии. Они приветствуютъ его и бесѣдуютъ съ нимъ; ихъ пища — духъ жизни, питье — рѣка жизни, падающая изъ рая; вода источника жизни бѣлая, какъ солнце («яко млеко» въ Хожденіи трехъ иноковъ къ Макарію ³⁾), рыба въ немъ тоже бѣлая, не знающая смерти; здѣсь градъ жизни, гдѣ никто не умираетъ, деревья носятъ райскіе плоды и на траву спускается небесная манна.

Энохъ и Ілія поднимаются выше на огненныхъ колесницахъ, а Александра его конь приносить къ войску.

По представленію легенды вода жизни истекаетъ отъ блаженныхъ, какъ и въ эоипскомъ Псевдокаллистоенѣ она истекаетъ изъ-подъ Божія престола ⁴⁾; но тамъ и здѣсь ея источникъ находится въ области мрака. Легенда рассказываетъ по этому поводу слѣдующее: какой-то рыбакъ набрелъ на родникъ, съ водою, бѣлой, какъ молоко, выудилъ нѣсколько рыбъ, бросилъ ихъ наземь, но онѣ не околѣвали; взрѣзалъ ихъ, билъ палкой и камнями, но повторилось то же; тогда онъ самъ испукался въ источникъ. Въ присутствіи Александра совершается то-же чудо съ рыбами, и рыбакъ рассказываетъ объ источникѣ. Александръ велитъ повести себя къ нему, но рыбакъ сбился съ пути, пускается бѣжать; его приводятъ къ царю и подвергаютъ наказанію; тогда онъ провозноситъ хвалы на Александра и Бога. Не пристало мнѣ повиноваться тебѣ! говоритъ онъ. Ему отрубаятъ голову, мучаютъ, но убить не могутъ; тогда Александръ велитъ сковать его желѣзными цѣпями и бросить въ область тьмы, а самъ возвращается домой.

Мнѣ еще придется говорить объ источникѣ безсмертія; христіанскій

1) У Лампрехта (не въ его-ли источникъ?), наоборотъ, неразумные юноши (die tumben jungelinge) указываютъ Александра къ походу, презрѣвъ совѣты людей мудрыхъ.

2) См. выше.

3) Изъ исторій, стр. 810, 823—4.

4) Въ руминской Александріи вода юности въ области блаженныхъ, у престола Эванта, см. Изъ исторій стр. 271.

романъ ближе здѣсь къ обычному Псевдокаллистоеновому преданію, чѣмъ соотвѣтствующій эпизодъ эоипского Псевдокаллистоена ¹⁾. Замѣчу только, что во французской Александріи источникъ безсмертія найдеть какимъ-то македоняниномъ Еносъ, который и испукался въ него; Александръ велитъ замуравить его въ столбъ, гдѣ ему приходится до конца дней оплакивать свое безсмертіе ²⁾. Вспомнимъ, что въ нашей легендѣ объ источникѣ жизни говоритъ Александру Энохъ.

Молитвы Александра и его бесѣды съ Святѣмъ Духомъ прерываютъ снова развитіе легенды ³⁾. Помини меня твоею милостію, хотя мой родъ и не изъ твоего израильскаго племени, молится Александръ, а Св. Духъ пространно поучаетъ его о семи чувствахъ, какъ семи вратахъ сердца. При этомъ забыта хронологическая точка зрѣнія: ранѣе Господи вѣщали о своемъ будущемъ воплощеніи, теперь встрѣчаются выраженія: они Меня распяли! Всего характернѣе эпизодическое воспоминаніе о Филиппѣ: онъ былъ большой звѣздочетъ, говоритъ Александръ, прочесть въ звѣздахъ о грядущемъ воплощеніи и распятіи Спасителя, и опечалился, и плакалъ, и рвалъ на себѣ волосы, и отъ великой скорби бросился въ море, гдѣ и погибъ. — Онъ причтенъ къ лику мучениковъ, какъ Ананія, Азарія и Мисаилъ, слышится голосъ, ибо онъ умеръ ради Меня. И на вопросъ Александра о знаменіяхъ его смерти, отвѣтъ такой: Ты умрешь, когда небо надъ тобой будетъ мѣдное, а звѣзды на немъ покажутся тебѣ изъ золота и серебра.

Вернувшись къ себѣ, Александръ раздастъ все свое имѣніе нищимъ, проведетъ жизнь въ молитвахъ и постѣ, пишетъ назидательныя наставленія потомству, женамъ и дѣтямъ, родителямъ и царямъ. Вставленъ, съ объясненіями автора, отрывокъ изъ житія александрийскаго архіепископа Филона, найденный на мѣдной доскѣ въ казнохранилищѣ египетскихъ царей. Свѣтой Духъ часто является Александру, вѣщая, что его кончина близка; когда онъ заболѣлъ, понялъ, что его часъ насталъ, ибо его положили въ темномъ покоѣ, обвѣшанномъ (мѣдными?) копиями и золотыми и серебряными щитами. Онъ пишетъ увѣщательное письмо матери: онъ побѣдилъ тѣло и приобрѣлъ покой; пусть устроятъ пиръ, чтобы ему поѣсть и попитъ вина, да достанетъ воды въ домъ, гдѣ еще никто не умираетъ; ему умереть не хочется. Поески за водой напрасны, Олимпиада съѣзжаетъ, и легенда кончается предсмертною бесѣдой Александра съ его другомъ и ученикомъ Кômôsâ'омъ, главное содержаніе которой составляетъ вопросъ о воскресеніи. Когда Александръ скончался, послышался гласъ, точно громъ: «Приди съ миромъ въ царствіе небесное»; появилась духовная рука, сиявшая какъ солнце, и душа Александра вознеслась къ вѣчной славѣ. «Здѣсь конецъ повѣсти о царѣ Александрѣ».

1) См. выше стр. 12 слѣд.

2) Изъ исторій I, стр. 229.

3) Budge II, стр. 483—503.

Да будет его молитва и благословение на тех, кого он возлюбил, во вѣки вѣков. Аминь».

Как и по какимъ побуждениямъ произошло это крайнее религиозное вырождение героического типа, которому отвѣтилъ такой-же процессъ въ области еврейской и мусульманской легенды? Касаясь этого вопроса¹⁾, я не остановился на преданіи, несомненно указавшемъ путь къ такому развитію: на преданіи объ Александрѣ, какъ сынѣ Аммона; оно знакомо и Плутарху; подъ видомъ Аммона приближается къ Олимпіадѣ и Нектанебъ Псевдокаллистоена. Нектанебъ былъ послѣдній египетскій царь, побѣжденный персами и бѣжавшій въ Эѳіопію въ 350 г. до Р. Х.; спасая народную гордость, египетско-александрійская легенда сдѣлала Александра, побѣдителя персовъ, сыномъ Нектанеба-Аммона; Александръ — это воззрѣвшійся, юный Нектанебъ (Pseudocall. I, 3); еврейская Александрія (у Гаркави-Гастера) дѣлаетъ и Филиппа царемъ Египта. Эта политическо-религіозная легенда продолжала жить и измѣняться въ условіяхъ воспитавшей ее среды; когда застѣла ее христіанство, христіанская идеализація Александра, сына Аммона, которому Аммонъ повѣдалъ свои таинства (Плутархъ), совершилась тѣмъ-же путемъ, какимъ въ источникѣ греко-сербской Александрии Гермесъ претворился въ пророка Іеремию.

Для писателей, не стоявшихъ въ непосредственной связи съ мѣстными превращеніями египетской легенды, явились и другіе источники идеализаціи. Я указалъ въ другомъ мѣстѣ на значеніе талмудическихъ и христіанскихъ толкованій Даниловыхъ пророчествъ, въ которыхъ Александру отводилась рѣшающая роль; Іосифъ Флавій ведетъ Александра въ Іерусалимъ, гдѣ ему читаютъ пророчества Данила и онъ поклоняется единому Богу. Этой библейской окраской отличается и Псевдокаллистоенъ С, а далѣе открывался путь къ Александріямъ библейско-христіанскаго или христіанскаго освѣщенія: сирійской и эѳіопской, греко-сербской и др.; въ Roman d'Alexandre душу Александра принимаютъ святые и возносятъ къ Богу (ed. Michelant, 524, 28).

Къ общимъ мотивамъ его христіанской идеализаціи принадлежатъ и слѣдующіе: впечатлѣніе его личной судьбы поддержано было впечатлѣніемъ историко-политическаго характера. То и другое сливалось, и въ пониманіи типа и событій выступали ясные идеи трагическаго противорѣчія, надъ которыми невольно задумывались, которыхъ поэтизировали: противорѣчія коной мощи, расширившей предѣлы исторіи, и безвременной смерти, положившей предѣлы жизни; противорѣчія монархіи, общенной видимый міръ и распавшейся, когда не стало одного человѣка. Юная мощь не знаетъ конца своимъ захватамъ, и вотъ на Александра перенесена была старая восточная легенда о героѣ, добравшемся до неба; съ другой стороны темнѣе вырисовывались на свѣтлѣхъ фонѣ грозные си-

дуэтъ судьбы, непрерываемости, конечнаго; въ христіанской средѣ все это должно было получить особое, аскетическое освѣщеніе. Если въ такой средѣ Александръ продолжалъ жить въ народномъ или народно-литературномъ преданіи, и не было, или пѣскало пониманіе героическаго, она спасетъ своего любимаго героя, заставивъ его побѣдить самое смерть святостью жизни и помысловъ. Характеръ его дѣятельности измѣнится, чудесный элементъ хожденій получитъ новое освѣщеніе: исканія чего-то лучшаго, надземнаго, недостижимаго, переходящаго границы человѣческаго ума, безсмертія. Попросите у меня, чего хотите, говорить ему брахманы у Псевдокаллистоена; они просятъ — безсмертія, которое онъ не въ состояніи имъ дать. Онъ и самъ стремится къ его источнику, но не находитъ, либо отказывается отъ него, потому что онъ сузитъ ему вѣчную юность — на землѣ.

Еврейско-мусульманское преданіе развило сходный типъ Александра въ томъ-же направленіи и по тѣмъ-же психическимъ побужденіямъ, сдѣлало его поклонникомъ единаго Бога, мудрецомъ-гномоникомъ, собрало вокругъ его гроба дѣйств. философовъ. У Низами онъ потомокъ Авраама по матери, покинувшей его, плодъ несчастной любви, въ пустынѣ, гдѣ его находитъ Филиппъ; свѣтлый ангелъ (серошъ) приноситъ ему даръ мудрости и пророчества, побуждаетъ его обойти міръ, чтобы повѣдать людямъ истину спасенія; онъ окруженъ мудрецами, строитъ себѣ тихое убѣжище, куда онъ могъ бы по временамъ удалиться, чтобы посвятить себя молитвѣ и размышленію. О его сынѣ, воспитанникѣ Аристотеля разсказывали, что онъ отказался отъ власти, дабы отдаться служенію Богу, а Ибнъ-Гаукаль говоритъ, что въ главномъ соборѣ Палермо, обращенномъ въ мечеть, висѣла рака съ тѣломъ Аристотеля и ему молились, испрашивая милостей¹⁾.

Такъ могло сложиться постепенно и представленіе о «святѣхъ» Александрѣ. Популяриная у насъ сербская Александрія уже шла по этому пути, но не изъ нея, очевидно, объясняется заговоръ донскихъ казаковъ, найденный въ рукописи XVII-го вѣка²⁾: «не дадутъ меня (святые), раба Божія (имя рекъ), иноплеменикомъ и лихимъ людямъ стрѣляти, копѣмъ, саблей и ножомъ колоти и сѣчи сикеромъ, ни деревинною ударити, служеника своего, раба Божія (имя рекъ) святаго Александра Македонскаго». Заговоръ восходитъ, быть можетъ, къ какой-нибудь формѣ, гдѣ, какъ въ «Повѣсти о житіи и храбрости Александра Невскаго»³⁾, онъ сравнивался съ Александромъ Македонскимъ, подобникомъ Ахиллея; въ одномъ позднемъ старообрядческомъ стихѣ именно къ благовѣрному князю Александру Невскому обращаются съ мольбою: Отгоняй отъ насъ враговъ пагубныхъ⁴⁾.

1) Hertz, I. c. стр. 10, 32, 90 слѣд.; Carraroli стр. 196 слѣд., 220.

2) Живая старина I, вып. 3, стр. 186.

3) Св. П. С. Р. Л. V, стр. 2—6.

4) Безсоновъ, Калки I, № 153, стр. 671.

1) Изъ исторіи, гл. VII и X; I. c. стр. 422 слѣд., 451.

Святого Александра, на этот раз Македонского, мы встречаем и в следующем сказании из области Вероны: о Гордиевом узле. Сдѣлалъ его мудрый Соломонъ и никто не былъ въ силахъ развязать его; когда Соломонъ отдался идолопоклонству, подарилъ тотъ узелъ какому-то языческому царю, и тотъ сталъ непобѣдимъ; не могъ побѣдить его и славный воинъ, святой Александръ. Однажды ночью, когда онъ стоялъ подъ неприступнымъ городомъ, языческой царь, выйдя на рекогносцировку, потерялъ тотъ узелъ; нашего его воинъ Александра, принесъ ему, и Александру слышится голосъ, что это узелъ Соломона. Тогда святой Александръ начерталъ мечемъ на землѣ знаменіе креста (первое, сотворенное на землѣ въ дѣлахъ благочестія), воткнулъ мечъ въ узелъ, и онъ распался какъ-бы волшебствомъ. Языческой царь побѣжденъ и повѣшенъ вмѣстѣ съ сыновьями на перекрѣ, развитой изъ узла¹⁾.

Условія христианизированія героическихъ типовъ является неизученнымъ пока вопросомъ народно-эпического развитія. Мы знаемъ St. Charlemagne, чудеса Ренѡ, святость Ожье, Илья Муромца въ кievскихъ пещерахъ. Что подъ конецъ дней герои уходятъ въ монастырь, въ этомъ можно видѣть выраженіе дѣйствительнаго, бытового мотива, усвоеннаго литературой; въ другихъ случаяхъ, которые я имѣю въ виду, необходимо различать между церковной и народной канонизацией, и въ церковной — между общими и мѣстными признаніемъ, наивнымъ, или вызваннымъ расчетомъ на принятіе вѣрующихъ къ новой святинѣ. Но когда совершились народныя канонизація, можно сказать съ увѣренностью, что героическая пора эпоса уже «за шеломаемъ».

IV.

Какъ на Александра перенесены были старыя восточныя преданія, такъ впоследствии, когда уже сложилась его легенда, она приращалась новыми сказочными чертами и части ея переходили съ его именемъ въ народъ, складываясь въ мѣстныхъ преданіяхъ, еврейскихъ формулахъ, сказкахъ. Даниилъ Эвеекій видѣлъ подземный проколъ, начатый Александромъ, чтобы соединить Черное море съ Сѣвернымъ; Арсеній Сухоновъ говорить о его гробницѣ въ Александріи съ изсѣченными на нихъ мудрыми знаками; Гагара о желѣзныхъ вратахъ въ грузинской землѣ, о цѣляхъ земныхъ, куда загнаны «двѣи зѣфры Гогъ и Магохъ», Памисій Аргіонидитъ о громадномъ колодцѣ, вырытомъ по повелѣнію великаго между царями Александра. Въ одномъ египетскомъ ахмическомъ трактатѣ два металла, входящіе въ составъ электрона, уподобляются Слову Божію и Духу Святому; изъ этого металла Александръ чеканилъ монеты, которыя разсыпалъ по землѣ; это талисманы, устроенные Ари-

1) Lambroso, Il nodo di Solomone, в. Archivio per lo studio delle trad. popolari, VII, стр. 571; Carraroli I. e., стр. 326—7.

стотелемъ¹⁾. Суевѣрные люди время Златоуста приписывали къ голоѣ и поганѣ мѣдныя монеты съ изображеніемъ Александра Македонскаго, приписывая имъ, очевидно, какую-то дѣйственную силу²⁾. Эти народныя преданія искажались, переносились порой на другихъ именъ, напр. Соломона, въ Грузіи — на Тамару и т. п.; въ сказкахъ онѣ терпели иногда до неузнаваемости³⁾, соединялись съ другими сказочными мотивами, испытывая новыя примѣненія. Такъ въ следующей русской, заимствованной изъ какого-то книжнаго источника⁴⁾:

Когда Александръ Македонскій докорилъ весь свѣтъ, то захотѣлъ пойти въ рай, а чтобы найти его, изнашелъ въ своемъ царствѣ Библию, не эту, которая теперь, а старую, отъ Адама, и въ ней былъ указанъ весь путь, какъ пройти въ рай. Взялъ онъ все свое войско и пошелъ въ рай по Библии, и сталъ уже приближаться. А ангелъ, что стережетъ рай, бѣжитъ къ Богу и говоритъ: «Господи! Александръ Македонскій въ рай идетъ!» Тогда Богъ на дорогѣ ему пускаетъ рѣки великія, а Македонскій суда строитъ, мосты моститъ, войско переводитъ и опять идетъ. Ангелъ опять къ Богу: «Господи! Македонскій идетъ!» Богъ ставитъ ему на пути лѣса дремучіе, а въ нихъ всякіе зѣфры великіе, лютые. Македонскій зѣфрей ловитъ, войско кормитъ, лѣсъ рубитъ и все идетъ. Опять ангелъ къ Богу: «Идетъ Македонскій!» Тогда Богъ поднимаетъ передъ нимъ горы непереходимыя, а Македонскій беретъ ломы, кирки да лопаты, ломитъ гору, просѣкаетъ, чтобы насквозь пройти. Не выдать ничего, только слышно, какъ внутри земли стукъ-громъ идетъ. — Сообщаетъ ангелъ о томъ Богу, и тутъ только Богъ догадался, что Македонскому Библия помогаетъ, и повелѣваетъ ангелу отнять ее у него. — Македонскій легъ заснуть, а Библию изъ рукъ не выпускаетъ, держитъ за одинъ краешекъ. Ангелъ прилетаетъ и цапъ за книгу; а Македонскій, пробудившись, скалетъ ее, какъ можно крѣпче, пальцами; но ангелъ потянулъ также сильно и вырвалъ книгу, только уголки отъ нея остались между пальцами у Македонскаго. — Не унываетъ однако онъ: по оставшимся уголкамъ далъ сдѣлать новую Библию. И вышла Библия, да ужъ не та: водить она туда-сюда, колесить, а впередъ ни на шагъ. Тогда Македонскій, увидѣвъ, что въ рай попасть не можетъ, говоритъ своему войску: «Что намъ тотъ рай, когда можемъ завести свой? И сталъ садить деревья, а за нимъ всѣ; съ того времени и фруктовые сады завелись».

1) Le Moyen Âge 1894, № 11, стр. 242.

2) Сл. Изъ исторіи I, стр. 376, 492. О талисманахъ, изготовленныхъ Аристотелемъ для Александра, говоритъ Al-Makin (у Budge's II, стр. 359); между прочимъ, онъ устроилъ магическія «фигуры съ трубами и барабанами, отъ звуковъ которыхъ неприятели терпѣлись и городъ ихъ сдавался. О талисманахъ Александра см. еще ib. стр. 389 слѣд. (Abu Shaker); Hertz I. c. стр. 14, 36, 69—70, прим. 7.

3) Сл. напр. бретонскую сказку у Luzel's, Mélusine III, стр. 487, слѣд.

4) Слышано П. А. Ровинскимъ отъ старика садовника (въ слободѣ Гусевѣ Камышинскаго уѣзда Саратовской губерніи) и сообщено имъ А. Н. Пышину, предоставленному пересказать въ мое распоряженіе.

Если в народных пересказах легенда об Александре испытывала обычные метаморфозы, то и в чертах уже сложившихся литературных романов об Александре сказочный элемент подвергся изменениям, которые помогают нам порой разобраться во взаимных соотношениях текстов. Разумеется, в каждом отдельном случае может подняться вопрос, произошло ли изменение под влиянием писанного предания, какой-нибудь из известных версий романа, или объясняется устным рассказом, одной из бродячих легенд об Александре.

Г. Истрину подобный вопрос представлялся не раз. Его первая редакция — перевод Псевдокаллистоена типа В, вторая — переделка первой, представляющая некоторый излишек рассказов, который автор склонен объяснить устным преданием. Это возможно; но где свидетельства, что такие устные предания существовали еще в пору составления второй редакции? И где? У нас, или на славянском юге? Это зависит от решения вопроса: где составить наш текст. Современные сказки, записанные там или здесь, потому являются плохим критерием, что сами они могли быть пересказом того или другого эпизода романа и не отвечать за его источники.

В подобных случаях, впрочем, кажется, лучше, предположить, что для лишнего рассказа у составителя второй редакции были в руках письменные источники. При помощи их он распространил напр. наметки первой редакции (=В) на то, как Александр проник в область тьмы при помощи ослицы с их жеребятами (=С) ¹⁾; сдвинул оживляющий источник своего оригинала (В) вместе с тьмой и источником безмерия (=С) ²⁾. Когда Александр вступил в область тьмы, его воины находили в пустыне небольшие камни и стали их брать, одни много, другие мало, и спрашивали Александра, что из этого будет. Он отвечал, что они будут каяться все, кто много взял и кто мало. На дальнейшем пути, вследствие тяжести камней, воины их покидали, один все, другие — несколько оставив у себя; когда же вышли на свет, то оказалось, что те были драгоценные камни, и стали «оба каяться» (сл. 199—200). Всего этого нет в первой редакции (=В), нет загадочной отповеди Александра и в С, но есть, мы видели, в эоипском тексте и у Фирдуси ³⁾.

Г. Истрин остановился подробно на сказаниях, введенных в состав второй редакции. На некоторых из них остановлюсь и я.

Антифон предсказывает, что Александр умрет под костяным небом и на железной земле. Это предсказание неоднократно тревожит Александра. Когда во время своего хождения в восточные страны он пришел в мидианскую землю и услышал под ней голоса, вспомнил предсказание, и велел воинам испытать землю, но они нашли «мидею без железа». Позже, идя в пустыню, он снова посылает людей раз-

ведать, не найдут ли где костяное небо и железную землю. Возвращаясь в Вавилон, он ложится отдохнуть на своих бронях и покрывается бронями; в 3-й редакции, вышедшей из 2-й через посредство X ¹⁾, втретью: воины ставят над Александром щит из сложенных костей. Таким образом Александр лежит на бронях (железе), покрыт костяным небом; если пророчество Антифона не исполнилось теперь, то потому, что впади деревья в Индии напрогнали Александру смерть в Вавилон ²⁾.

Г. Истрин недоумевает, откуда взять этот рассказ составителя второй редакции; может быть, он перенесет на Александра с какого-нибудь другого героя, если только не зашел к нам с востока, где мог примяться и к Александру (стр. 149—50). Подобное предание действительно рассказывалось об одном царь Иемана, но уже у Евтихия, соединившего мусульманские предания об Александре с египетско-христианскими, он перенесет на него самого: согласно бывшему о нем пророчеству, он умирает на своей броне, под золотым щитом; в эоипско-христианском романе он скончался под мидианским небом с золотыми и серебряными звездами: в комнате обитой (мидианской?) кожей и золотыми и серебряными щитами ³⁾; так впадал ему Святой Дух. У Ибн-Фатима астрологи предсказали, что Александр умрет на железной земле под золотым небом; однажды у него пошла кровь носом, он слез с коня, его положили на броню и защитили от солнца золотой тканью; он познал час смерти и, призвав своего писца, диктует ему письмо к Олимпиаде ⁴⁾. В грузинской легенде этот эпизод поставлен в связь с другим, отвечающим эоипскому рассказу о вымершем городе и Повести о Вавилоне. Все на свете покорилось ему, говорит Соломон Александру, а тот рассказывает ему о проклятом мидианском городе: он окружен лесами и горами, к нему не подходят; стбы и крыши мидианские; жители его благоденствовали, но Господь покарал их за грехи, и они окamenели. Александр с Соломоном идет на розыски; у ворот города мидиан, механически устроенная лошадь (сл. в сказании о Вавилоне главу змею во вратах), ею они и входят в мертвый город по указанию надписи, прочтенной Соломоном. Воины грабят, а Александр и Соломон видят во дворце возсвещающих на престол окamenных царя и царицу; последние держат рукописание: просьбу — не лишать их впацов, дарованных Богом (параллель: впацы и грамота в повести о Вавилоне). Попытка Александра снять с царя впацев наказана ударом одного из двух окamenных татар, стоявших на страже.

1) См. выше, стр. 536.

2) Истрин, стр. 148—9.

3) См. выше, стр. 555.

4) С. Nöldeke I. c. стр. 47, прим. 2; Hertz, стр. 34 и прим. 1; Kaust I. c. стр. 299—300; Cattagoli стр. 166 (сл. у него-же народный рассказ того-же содержания из Malcolm's Hist. of Persia I).

1) Истрин, стр. 196.

2) Стр. 198, 202.

3) См. выше, стр. 14.

Къ этому и примыкаетъ рассказъ о томъ, какъ Александръ задумалъ подчинить себѣ море и его обитателей: онъ велитъ закидать его сѣномъ, наполнить нечтью и поджечь. Море обратилось въ костеръ, и прибрежные жители явились къ царю съ просьбой пощадить ихъ. Онъ потребовалъ дани, и какой-то морской человѣчекъ положилъ передъ нимъ три зерна: одно даетъ юности, другое мудрость, отдавать третье—знать часъ своей смерти и лѣкарство отъ всѣхъ болѣзней. Либо дань приноситъ море, три зерна: одно молодитъ, второе дѣлаетъ способнымъ понимать говоръ травъ, какая отъ какой болѣзни, отъ третьяго мудрость и предвидѣніе дня кончины.—Царь принялъ дань, но вспомнилъ о ней лишь много лѣтъ спустя; желая испытать силу тѣхъ зеренъ, онъ велѣлъ хлѣбопеку испечь изъ нихъ три маленькихъ хлѣба; съѣлъ ихъ, но не ощутилъ юности, не добылъ мудрости и не извѣдалъ часа кончины. Тогда онъ велѣлъ позвать хлѣбопека, и тотъ повинился: выпекъ хлѣбы изъ тѣхъ зеренъ, но они вывалились въ золю, онъ и отдалъ ихъ нищему, а вмѣсто нихъ спекъ хлѣбы изъ другой муки. Опечалился Александръ, велитъ созвать нищихъ со всѣхъ концовъ земли, и сталъ искать хлѣбопекъ, кто между ними счастливѣе, но не нашелъ. Всѣ-ли вы здѣсь? спрашиваетъ царь.—Нѣтъ, между нами одного старика, чуднаго между всѣми смертными: изъ нищаго онъ сталъ богачемъ, былъ старъ и хворъ, сталъ молодъ и силенъ, былъ глупъ,—сталъ мудрѣе мудраго и лѣчитъ отъ всякихъ болѣзней.—Царь послалъ за нимъ, сдѣлалъ его своимъ врачомъ; и спросилъ онъ его однажды: Скажи мнѣ, когда день кончины, часъ смерти моей? Отвѣчалъ ему врачъ: Когда небо мѣднымъ будетъ сводомъ надъ землею мѣдной. Прошло много лѣтъ; Александръ захворалъ, лежить въ своихъ палатахъ мѣдныхъ, надъ нимъ мѣдный потолокъ, мѣдный и полъ; и понялъ онъ, что пророчество врача сбывается; и не стало вожда надъ вождами ¹⁾).

Я не знаю, гдѣ составилаь эта поэтическая версія легенды, соединившая загадочное пророчество о смерти съ исканіемъ безсмертія. Символъ, которымъ выражено послѣднее (зерно), выходитъ изъ обычной символики Александровой легенды, говорящей о водѣ жизни. У Фирдуси и Низами Александру не суждено найти источникъ безсмертія, тогда какъ Хисръ, погрузившись въ него, становится вѣчно-юнымъ; по другому восточному сказанію Хисръ подаетъ Александру чашу съ водою изъ источника, тотъ схватился за нее такъ стремительно, что вода разлилась, и Александръ не былъ въ состояніи выбраться изъ области мрака. По третьей версіи, принадлежащей, вѣроятно, какой-нибудь поздней редакціи Шахнаме, Хисръ также подаетъ царю ку-

бокъ съ живою водою, но какой-то голодъ предупреждаетъ Александра о бѣдствіяхъ старости, когда жизнь ему опостылитъ и самъ онъ пожелаетъ смерти, а она не придетъ; и онъ выпиваетъ кубокъ на землю.

Эта-же легенда объ источникѣ безсмертія является въ соединеніи съ мотивомъ пророчества о смерти въ одномъ персидскомъ романѣ, пересказанномъ Шардонномъ; это — параллель къ грузинскому сказанію. Александръ покорилъ весь знаемый міръ и посылаетъ своихъ людей проиѣдать о незнакомыхъ странахъ. Цѣлый годъ блуждаютъ они по морю, пока не встрѣтили корабль необычнаго вида и корабельщиковъ, языка которыхъ никто не понималъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ люди Александра взяли съ собою, и когда тѣ научились погречески, рассказали, что и они посланы развѣдчиками, а послали ихъ такой-же могучій завоеватель, и имя ему также Александръ. Изумился Александръ, хочетъ разыскать своего двойника и не успокоится, пока не побѣдитъ его; но Аристотель напоминаетъ ему, что онъ смертенъ, что все великое и малое — игрушка въ рукахъ Божіихъ; чарами онъ вызываетъ пророка Илью и показываетъ въ волшебномъ зеркалѣ знаменитыхъ завоевателей прошедшаго и будущаго, которые повѣствуютъ Александру о своей судьбѣ и бренности мірской славы. Но Александръ выводитъ изъ всего этого лишь одно заключеніе, что желающій совершить великое долженъ отвлечься отъ смертности. И вотъ онъ ѣдетъ въ страну мрака искать источникъ безсмертія, но сбывается съ пути. Вѣщія деревья велютъ ему возвратиться; по дорогѣ его схватила сильная лихорадка и войны понесли его на носилкахъ, устроенныхъ изъ желѣзныхъ щитовъ, а его золотой щитъ осбѣнялъ его. Тутъ онъ вспомнилъ о бывшемъ ему пророчествѣ, что онъ умретъ подъ золотымъ небомъ, на желѣзной землѣ. Въ Александрію его привезли уже трупомъ; между тѣмъ Аристотель нашелъ источникъ жизни и захватилъ съ собою воды, но онъ могъ окропить лишь тѣло Александра, окропилъ и себя: оттого ихъ имена славны по вѣки; самъ онъ могъ-бы отпѣвать воды и стать безсмертнымъ, но онъ зналъ, что безсмертіе на землѣ — одно безконечное горе, и не пожелалъ его ¹⁾.

Можетъ быть, такое-же забытое соединеніе мотива пророчества съ источникомъ безсмертія слѣдуетъ видѣть въ эпизодѣ еврейской Александрии, пересказанной г. Гаркави: Александръ приходитъ въ землю Еуфратъ (или 'Ofrat), не землю при рѣкѣ Евфратѣ, замѣчаетъ г. Гаркави, ибо Евфратъ называется по еврейски Ператъ, а въ *Синцовой* землю, хотя о синицѣ далѣе нѣтъ рѣчи и рассказчикъ, замечетъ, что это названіе изъ другихъ источниковъ, очевидно, не понималъ его значенія. Войско нашло тамъ великую рѣку, но боялось пить изъ нея воду, почему Александръ и приказалъ *вырыть по берегамъ колодези*, изъ которыхъ всѣ и пилились.—Я сравниваю эту неясную подробность съ эпизодомъ второй редакціи русской Александрии: Александръ явился въ *мѣдную* землю, вспомнилъ про-

1) Хахановъ, Очерки по исторіи грузинской словесности, вып. I, стр. 293 и слѣд. Сл. тамъ-же стр. 289 и слѣд.: «Тамара и Касийо» и мою записку въ газетѣ «Кавказъ» 1896, № 2: Дѣя грузинскія легенды объ Александрѣ Македонскомъ и Соломонѣ и ихъ родичахъ. Сл. Сборн. материаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, X, стр. 37; Истрия, стр. 150—1 и выше стр. 19 слѣд.

1) Hertz I. c., стр. 32—5.

рочество Антифонта, и велѣлъ испытать землю. Соинцова земля еврейской Александрии, вѣроятно, отиѣчаетъ *мидной*. Далѣе рассказъ въ ней продолжается такимъ образомъ: войско остановилось у рѣки, одинъ изъ парскихъ охотниковъ словить птицъ, задушилъ ихъ, но когда положить ихъ въ рѣчную воду, чтобы ихъ омыть, онѣ оживи и улетѣли. Слуга напился изъ рѣки и пошелъ доложить царю. Навѣрно это вода изъ рая, дающая бессмертіе, говоритъ Александръ, и велитъ слугѣ принести ему отъ той воды. Но охотникъ не напелъ рѣки (вариантъ: источника), Богъ скрылъ ее отъ меня, объясняетъ онъ; разгнѣванный Александръ съестъ съ него голову, но тотъ убѣжалъ безъ головы и ушелъ въ Великое море. Сказалъ Менахемъ писецъ: Еще рассказываютъ, что въ морѣ находятся безголовые люди, которые стараются перевернуть корабли, но тщася же удаляются, когда имъ кричать: Бѣги, бѣги, твой господинъ Александръ идетъ! — Далѣе, переправившись черезъ рѣку, Александръ доходитъ до вратъ Эдема, гдѣ ему подаютъ, вмѣсто дани, ящики, который онъ не въ силахъ поднять; въ немъ нѣчто подобное глазу ¹⁾.

Какъ неровно распредѣлилось послѣдіе Александровой легенды между литературной и народной памятью, тому доказательствомъ явлено эпизодъ о подѣ жизни или источникъ бессмертія. Въ Псевдокаллистоѣ С поваря Александра, Андрей, отиѣдалъ воды, въ которой оживала сущая рыба, далъ попить и побочной дочери Александра, Калѣ; оба становятся бессмертными; завидуетъ имъ царь, велитъ ихъ бросить въ море: Андрей становится морскимъ демономъ, Кала неридой. Писанное преданіе не забыло мужского образа, видоизмѣняя его въ различныхъ версияхъ (Хирь, Илья, Аристотель, рыбаки эоипскаго Псевдокаллистоена, Енос, птицевѣвъ еврейской Александрии съ замѣной рыбы птицами); женскій удержался внѣ романа. Въ болгарской народной повѣсти Калу замѣнила безыменная сестра Александра: она обернулась дельфиномъ; какъ только дельфинъ услышитъ имя Александра, прыгаетъ въ воду; въ румынскомъ повѣрѣ нарѣчницы, судицы, рожищны — это служанки Александра, выпившіе тайкомъ живую воду и ставшіе бессмертными; на Закинѣ рассказываютъ, что владѣтельница неренды была сестрой Александра; на Черномъ морѣ и до сихъ поръ является чудовищная полурыба, полу-женщина, останавливающая корабли, вопрошая: Живъ-ли царь Александръ? Если отиѣтять, что живъ, она радуется, оборачивается красавицей, затягиваетъ подъ звуки лиры сладкозвучную пѣсню и унимаетъ море; если отиѣтять, что умеръ, приходитъ въ страшный гнѣвъ и высоко швыряетъ корабли, такъ что всѣ погибаютъ. Слезы горгонъ произ-

водить бурю, отъ которой нѣтъ спасенія; въ одной сказкѣ изъ Пароса Горгона клянется матерью — моремъ и отцомъ Александромъ ¹⁾. Напомнимъ безголовыхъ людей еврейской Александрии, «Фараоновыхъ людей» въ Хожденіи кунца Позникава, фараоновъ, фалароновъ въ повѣрѣхъ тобольскихъ цыганъ, смоленскомъ и малорусскомъ: фараоны — полу-люди, полу-рыбы, складываютъ пѣсни, ихъ женщины ублаживаютъ ими неопытныхъ моряковъ, и тогда морскіе люди опрокидываютъ корабли; либо фараоны спрашиваютъ: «Ти скоро будиш приставленія свѣта, фараонѣ, фараонѣ?» ²⁾

Греческая сказка о горгонахъ, вздымающихъ бурю, извѣстна была въ средніе вѣка въ приуроченіи къ проливу Satalia между Родосомъ и Кипромъ ³⁾. Правда, лишь у одного Герасія Тильберійскаго встрѣчается имя Горгоны, но сравненіе съ греческимъ повѣрьемъ съ одной стороны и статей Физиолога съ другой, доказываетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ ученымъ подновленіемъ. Tradunt... Gorgonem meretricem fuisse, quae sua pulchritudine homines mentis impotes reddebat, говоритъ Герасій; ея-то голову Персей бросилъ въ море. Туземцы (indigenae) рассказываютъ, что рыцарь, плававшій при жизни къ какой-то королевѣ, достигъ своихъ желаній лишь по ея смерти, соединившись съ ней въ гробницѣ. Голова Горгоны была плодомъ этой связи; кто видѣлъ ее, погибалъ, и этимъ пользовался рыцарь; однажды онъ былъ въ морѣ и заснулъ, а его любовница полюбостовствовала узнать, что онъ прачетъ въ ларѣ; взглянула на голову и умерла, погибши отъ того-же и рыцарь и корабль. Nunc tradunt in capite septennii caput faciem ad superiora vertere, et hoc periculum in mare navigantibus generare. — Тотъ-же рассказъ повторенъ у Walter'a Mapes, Рожера de Noveden, Мандевилля, въ процессѣ Храмовниковъ, съ варьянтами, безъ имени Горгоны, но съ той-же сказкой о происхожденіи головы и тѣмъ-же географическимъ приуроченіемъ. Въ Livre Artus являются новыя подробности: ко двору Артура прибыла дѣвушка, посланная владѣтельницей Лѣа Приключеній, съ просьбой — дать ей рыцаря, который освободилъ бы королевство Ливью (гдѣ, кстати, древніе помѣщали горгоневскія поляны) отъ чудовища Laide Semblance. Родилось оно отъ такой-же неестественной связи, какъ и въ предыдущихъ варьянтахъ; похоже на трехлѣтняго ребенка, съ большой головой, громадными черными глазами, приносящими гибель всякому, кто на нихъ взглянетъ, и большой красной косой. Однажды кака-то женщина вынула чудовище

1) Изъ исторіи I, стр. 222, 230, 271, 377—8.

2) См. мою замѣтку по поводу изданія X. М. Лопарева въ Журн. Мин. Нар. Просв. ч. CCIV, отд. 2, стр. 507—8; Доброволюскій, Смоленскій этнографическій сборникъ, ч. I, стр. 147, № 82; Ивановъ, Нар. рассказы о домовыхъ, лѣшихъ, водяныхъ и русалкахъ, въ Сборникѣ Харьковскаго Ист. о-ва. Общ., т. 5, Труды педагогич. отд. вып. I.

3) См. Славянскія сказанія о Соломонѣ, стр. 196—7; Freymond, Boitrag zur Kenntniss der altfranz. Artusromane in Prosa, въ Zs. f. franz. Sprache u. Litteratur, B. XVII, Heft 1—3, der Abhandlungen 1 u. 2 Heft, стр. 7—9 и 69 слѣд.

1) Новыя данныя, Гаркани § 16 = Gaster §§ 37, 38. Можетъ быть, въ связи съ разобраннѣмъ пророчествомъ Александрий стоитъ слѣдующій русскій заговоръ отъ крови: «Доселемъ были при Агаряѣ царѣ неба мѣдъ, земля златѣна, и не дали плоду отъ сѣбе. Какъ утихнулись и ужаснулись рѣки и ручьи, малыя источники, такъ бы утихнулись у раба Божія (имрекѣ) шипата и ламата». См. Доброволюскій, Смоленскій этнографическій сборникъ I, стр. 201, № 3.

из сундука, где держал его ее муж, и погубило 60 тысяч человек, осаждавших город на Кипре. Иуда Маккавей положил конец этой пагубе, бросив Laide Semblance в реку, но течение принесло ее в Ливию, и она по-прежнему опасна; кто избавит от нее? Несколько рыцарей отвечают на призыв, но безуспешно; удается подвинуть лишь одному Грею: мудрая властительница Иса Приключений научает его заговору, наставлять, как держаться, дает волшебной мази, повязку на глаза коня, бочку, в которую слѣдует спрятать Laide Semblance. Грею схватывает ее, прижав ее спину к своей груди, быстро набрасывает на ее голову и ставит покрывало, не обращая внимания на бушующий огонь, грохот и страшные голоса. Опустив чудовище в бочку с волшебным зельем, головой вниз, он сплывает назад среди внезапно расхлынувшей бури. Бочку положили в железный, окованный железными же обручами ковчег и опустили в подземелье, но непогода будет длиться, пока Laide Semblance не бросит в море, окружающее свѣтъ. Дѣлает это Мерлинт; чудовище брошено в пролив de Sathelic, там оно останется на вѣки, но в «историях» сказано, что когда оно выйдет на поверхность, погибнут корабли.

Рыцарь, овладевший Laide Semblance, зовется Greu, Grex li mescheanz, отъ сынов короля Алейне, племянник властительницы de la forêt sans retour. В романах Артура пика его имя *никогда больше не встречается*; Фреймондъ пытается отождествить его с Greit'омъ, сыномъ Eri в Мабиногиях; но именно одиночество имени побуждает меня спросить: не пришло ли оно? Greu, Grex значит: грек, что идет къ легендѣ о Горгоніи, локализованной в греческомъ морѣ.

Это приготовило насъ къ разсказу Физиолога о Горгоніи и Александрѣ: какъ у Гervasія, Горгонія—красивая блудница, съ зѣлыми выѣсто волосъ, живетъ она в горахъ западныхъ, полна похоти и всѣхъ привлекаетъ своимъ зовомъ, но кто явится, цѣлится, увидитъ ее. Умѣетъ съ ней справиться лишь волхвъ: убѣдивъ ее спрятать в яму свою голову, онъ отвѣщаетъ ее. «И Александръ бо имаше ю и одолаше языкомъ всѣхъ» (*καὶ ἄλλος καὶ Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς καταβυ αὐτὴν καὶ ἐκέρεισε πάντα τὰ τρίχα*). Связь: «имаше ю» и «одолаше языкомъ» была-бы странной, если бы у насъ не было основанія объяснить ее: у Александра была съ собою голова Горгоніи, ею онъ и одолажалъ, какъ въ группѣ разобранныхъ выше западныхъ легендъ отъ взгляда головы гибнутъ люди и рушатся города. Именно о головѣ Горгоніи говоритъ 2-я редакция нашей Александрии: Горгонія такъ же похотлива и такъ же зоветъ къ себѣ и челоука, и зѣбра; кто узритъ ея образъ, издохнетъ. Александръ, говоритъ волхвъ, не посылаетъ вѣсто себя своего волхва. Я Александръ, говоритъ волхвъ Горгоніи, коли хочешь быть со мною, сокрой голову. Голова отрублена, и Александръ велитъ ее спрятать в «сосудѣ темнѣ», дабы никто не увидалъ ее¹⁾.

1) Историю I. с. стр. 230—1 текста.

Очевидно, источникъ Физиолога знаетъ нѣчто большее о томъ, какъ Александръ одолажалъ ею народы, а составитель 2-й редакціи нашей Александрии не изъ Физиолога почерпнулъ подробностей о волхвѣ, замѣстителей Александра. Всего менѣе могъ онъ ее придумать: она слишкомъ въ духѣ того цикла легендъ, гдѣ у Александра помощникъ волхвъ—Аристотель. Такъ въ слѣдующемъ разсказѣ, извѣстномъ въ Персіи съ IX—X вѣка, повѣствуемъ въ *Secreta Secretorum* (XII в.), если не тождественности, то сродности съ сказаніемъ о Горгоніи: какая то индійская царица (либо царь) коварно послала Александру, въ числѣ другихъ даровъ, дѣвущку красавицу, вскормленную змѣйнымъ молокомъ; Аристотель прозрѣлъ ея природу и такъ говоритъ Александру: *ideoque audacter, horribiliter et incesanter et inverecunde suum flegebat visum* (т. е. дѣвущка) *in facies hominum, perpendi siquidem, quod interficeret solo morsu, quod experimento postea didicisti et probasti, et nisi hoc certissime ostendissem, mors tua fuisset in ardore coitus consequuta*¹⁾.

Легенды о Горгоніи, до появления новыхъ данныхъ, распадутся на три группы: 1) сказаніе о *Горгоніи*—блудницѣ, умерщвившей однимъ взглядомъ; Александръ добываетъ ея голову при помощи волхва (Аристотеля?), онъ одолаживаетъ (съ ея помощью?) народы. — 2) Легенды о головѣ *Горгоніи*—*meretricis*, причинившей смерть и разрушеніе (Гervasій); о Laide Semblance съ такимъ-же гибельнымъ взглядомъ, которой овладеваетъ рыцарь (Livre Artus). И голова и Laide Semblance брошены в море, въ проливъ Саталин, и *причиняютъ бурю и крушеніе*. — 3) В греческихъ сказкахъ *Горгоніи* *причиняютъ бурю*; Горгона названа дочерью Александра по имени о Калъ-перендѣ, его побочной дочери у Псевдокаллистоена.

Мы видѣли²⁾, что болгарская легенда обратила эту дочь въ сестру. Но свѣщеніе на этомъ не остановилось; мы входимъ въ кругъ любовныхъ сказочныхъ перенесеній.

Въ одной болгарской же легендѣ³⁾ дочь или сестру Александра замѣнила сестра Соломона. Когда онъ спустился въ море, чтобы испытать его глубину, сестра его убоилась, какъ бы онъ не погибъ, и молитъ Бога: пусть обратитъ ее въ рыбку, чтобы ей спасти брата, а съ нею поступитъ, какъ будетъ Его воля, хотя бы ей на вѣкъ остаться рыбкой. Съ тѣхъ поръ она показывается въ морѣ полурыбой, полуженщиной. «Ты ищешь Соломона», кричатъ, завидѣвъ ее, рыбаки, «онъ съ нами, подгадай къ намъ, увидишь его». И она долго плыветъ за судномъ, пока не выбьется изъ сплѣт.

Это сколько съ легенды о сестрѣ Александра; и испытаніе моря, какъ и испытаніе неба встрѣчаются въ сказаніяхъ о Соломонѣ⁴⁾; его ковар-

1) Hertz, Die Sage vom Giftmädchen, Abhandl. der k. bayr. Ak. d. W., I Cl., XX V, 1 Abth., стр. 6—7. Сл. Biadene, Varietà letterarie e linguistiche, стр. 1—2.

2) См. выше, стр. 32.

3) Сборникъ за народна умотворенія VII, отд. III, стр. 170.

4) Караджичъ № 43; Драгомановъ, Малор. Нар. преданія, стр. 105—108.

ной матери отвечает такой-же образъ въ еврейской Александрии у Гаркани-Гастера: мать посылаетъ Александра на бранные подвиги съ тайной мыслью, что онъ погибнетъ и престолъ достанется ей старшему сыну отъ Филиппа¹⁾. И у Александра явилась невѣрная жена, вѣроятно, подъ влияніемъ рассказовъ о невѣрной женѣ Соломона²⁾.

По сербской сказкѣ мать проклѣла Соломона: ему не умереть, пока онъ не испуститъ небесной высоты и морской глубины. Соломонъ составилъ, насущило ему жить, и вотъ онъ въ морѣ, въ ковчегѣ, цѣль отъ котораго держитъ его жена. Проходитъ мимо какой-то обманщикъ, говоритъ, что Соломона поглотили рыбы, и жена выпускаетъ изъ рукъ конопъ цѣпи. Въ это время заспорили черти, какъ подѣлить между собою найденныя имъ клюку, шляпу и одежду св. Ивана. Они-то и вытащили изъ моря Соломона, чтобы онъ ихъ разсудилъ; онъ беретъ клюку и кладетъ крестное знаменіе, отчего черти разбѣжались, либо онъ исчезаетъ, найдя шляпу невидимку³⁾.—Сходно въ особой версіи рассказа объ испу-

1) Разысканія гл. V, стр. 124 слѣд.; Ионы данныя, Гаркани § 6 = Gaster, § 11. Въ смоленской сказкѣ у Добровольскаго (Смоленскій сборникъ I, стр. 258 слѣд.) мать Соломона играетъ роль невѣрной жены въ легендѣ объ уношѣ.

2) Къ легендамъ о невѣрной женѣ Соломона относятся небольшая группа сказокъ, которую можно озаглавить: ожившія (или провинціи) рыбы. Сюда принадлежатъ сказаніе о Викрамдхитѣ, арииска сказка, безъ имени дѣйствующаго лица, и грузинская съ именемъ Соломона (сл. газету Кавказъ 1896, № 2 I с.). Въ грузинской дѣйствующими лицами является Соломонъ, его жена и визирь; остановившись на берегу рѣки, они поймали три рыбы, изрубилъ ихъ и стали варить. Мени называютъ опорою мудрости, началъ Соломонъ, но я недоумѣваю, когда вспомню бывшій мнѣ сонъ: чудилось мнѣ, что на моемъ ложѣ спитъ какой-то человекъ, въ головѣхъ у него яблоко, въ ногахъ другая, болѣе первой обремененная яблоками. Если это правда, пусть оживетъ одна изъ рыбокъ. — И рыба оживла и юркнула въ рѣку. — Я объяснилъ значение этого сна изъ русской повѣсти о дѣтствѣ Соломона: обличая любовную связь Вирсаи, онъ иносказательно говоритъ одну своему Давиду о любимомъ деревѣ въ его саду, которое принесло ему червленое яблоко (т. е. его, Соломона), и въ этотъ-то садъ вторгся козелъ, а дерево оквернило и погрызъ. — Затѣмъ истуетъ визирь: ему чудится, что Соломону грозитъ опасность и смерть — и вторая рыба оживетъ, подтверждая его опасенія. При этомъ съ царицей дѣлается дурно — она какаетъ, что вотъ уже двѣнадцать лѣтъ, какъ она имѣла своему мужу. Сл. легенду Alkavini у Hammet, Rosenbl I, стр. 174 слѣд.: Соломонъ, его визирь Асафъ и царица Валькикс сидятъ за столомъ. Нѣтъ-ли возможности оживить эту рыбу? спрашиваетъ Валькикс. Правда и справедливость могутъ оживить и мертвеца, отвѣчаетъ Асафъ; пусть каждый скажетъ правду — и онъ говоритъ о себѣ: Я вранью всѣми дѣлами въ государствѣ — и все-же желаю бы скорѣе быть Соломономъ, чѣмъ Асафомъ. Рыба шевельнулась. — Ни у одной царицы нѣтъ такого мужа, какъ Соломонъ, начала Валькикс, и дѣлаю съ нимъ власть и наслажденіе, и тѣмъ не менѣе, увидя человека болѣе молодого, тайно желаю, чтобы Соломонъ на столько-же помолодѣлъ. — Снова шевельнулась рыба. — Все мнѣ подвластно, люди, и зѣбры, и демоны, говоритъ Соломонъ, какъ Божій посланникъ хожу и по сушѣ и по водѣ, летаю на крыльяхъ восточка — и тѣмъ не менѣе долженъ признаться, что изъ двухъ людей, являющихся ко мнѣ, мнѣ милѣе тотъ, кто пришелъ съ посуломъ. Рыба оживла.

3) Караджичъ 43; сл. болгарскую сказку: Соломонъ и майка му, въ Сборникъ за народни умотворения XII, отд. III, стр. 183—4. Въ сартской сказкѣ у Остроумова

таніи Александромъ моря у Лампрехта, по базельской рукописи: спустясь въ глубину, Александръ даетъ держать цѣпь отъ ковчега, въ которомъ находился, своей возлюбленной; она обѣщала быть ему вѣрной, но послѣ трехъ дней и трехъ почей бросаетъ цѣпь, потому что кто-то посылался за нею. Легенда эта встрѣчается и въ хроникѣ Эненкели и въ Александрии Ульриха «онъ Эшенбахъ»¹⁾.

Такимъ путемъ могъ пройти въ легенду о Соломонѣ и мотивъ «сестры». Знать ее и словническая легенда, на этотъ разъ въ связи съ таинственнымъ источникомъ, но не безсмертія, а вѣщаго знанія: будто-бы Господь велѣлъ Соломону напиться и умыться въ извѣстномъ источникѣ, онъ станетъ мудрейшимъ, а сестра его Шембилия (= Сивилла) подслушала этотъ наказъ, предвосхитила брата и стала мудрей его²⁾. Въ неаполитанской и сицилійской сказкѣ она также является мудрейшей, и Соломонъ отсылаетъ вопрошающихъ къ ея рѣшеніямъ; ея имя: Scibilia (= Сивилла) или Sapienza = премудрость³⁾. Можетъ быть, это образное отвлеченіе «Премудрости Соломоновой», но источникъ отсылаетъ насъ къ легендѣ объ Александрѣ съ его водой жизни, источникомъ не только безсмертія, но и божественнаго знанія, какъ въ эоипскомъ романѣ⁴⁾.

Смѣненіе Александровой и Соломоновой сатъ обращаетъ на себя вниманіе. При Александрѣ источникъ безсмертія, при Соломонѣ источникъ вѣщаго знанія и вода жизни: въ турецкой обработкѣ Тутти-нама архангелъ Гавриилъ подаетъ отъ нея Соломону, но онъ отказывается пить, не желая пережить своихъ ближнихъ⁵⁾; «безсмертную гору» куда направляется Соломонъ, желая избѣжать смерти, знаетъ малорусская

(Сарты, Этнографическіе матеріалы, вып. 2-ой: Народныя сказки Сартовъ) черти спорятъ изъ-за вещей, оставшихся послѣ Соломона (ковчегъ-самолетъ и т. д.); человекъ пускаетъ стрѣлу, черти бѣгутъ за нею влѣзая, а онъ улетаетъ, забравъ вещи, «по мѣстности Божію и по повелѣнію пророка Соломона».

1) Сл. Истрия I, с. стр. 219—20 и указанную тамъ литературу. У Эненкели Александръ беретъ съ собою въ ковчегъ пѣтуха, у Ульриха пѣтуха и кошку; когда паруса выпущена цѣпь у Эненкели по вѣроломству, у Ульриха потому, что не въ сказкѣ была сдержанъ цѣпь, Александръ задушилъ кошку (Эненкели) или пѣтуха (Ульрихъ), и море выбросило ковчегъ на берегъ, ибо онъ не терпитъ мертвца тѣла. Такъ и въ еврейской Александрии у Гаркани § 17—Гастера § 80 въ эпизодѣ объ испытаніи моря, но безъ соединенія съ мотивомъ о вѣроломной женѣ; задушенъ пѣтухъ, изъ него выступила кровь, и Александръ выброшенъ на сушу, потому что море не терпитъ никакой крови. Gaster (I, с. стр. 495) не знаетъ параллелей къ этому повѣрью, но ихъ довольно много: сл. мою статью: Былина о Садкѣ, Жури. Мил. Нар. Просв. ч. CCXLVIII, отд. 2, стр. 270 и прим. Улажу и на Jourdain de Blavies v. 258 слѣд.: дабы не погибнуть въ морѣ М. (= Jourdain) s'apena d'une voisie grant, «...il s'est navré le bras de maintenance... Par ce le fist, se vos di et creant, *Mere ne puet sans souffrir ne tant ne quant* Ca. v. 2055 слѣд.

2) Изъ исторіи I, 280.

3) Mélusine IV, № 12: Wesselsky, La sœur de Salomon.

4) Сл. выше, стр. 545.

5) Hertz, Aristoteles, I, с. стр. 35 и прим. 6.

сказка и ея, вѣроятно, талмудическіи источникъ ¹⁾.— Тамъ и здѣсь чудо съ оживленіемъ рыбъ, но въ иной мотивировкѣ. И Соломону (и Александру) приписывалось восхождение на небо на орлахъ или грифахъ и испытаніе моря ²⁾; къ Соломону и Александру одинаково примѣнялась легенда о царѣ Кассіи ³⁾; къ обоимъ рассказъ о Гордіевомъ узлѣ ⁴⁾; въ Вавилонѣ Александръ находитъ чудесныя устройства Соломона ⁵⁾; Соломонъ рассказываетъ Александру о мѣдномъ городѣ ⁶⁾ и т. д.

Смѣшеніе могло быть случайное, вызванное мѣстными условіями ⁷⁾; способствовало ему и то библейско-христіанское одухотвореніе Александра типа, примѣры котораго мы видѣли выше. Не даромъ Aubry de Besançon (= Лампрехтъ) или его источникъ начинаетъ свою поэму горькимъ размышленіемъ Соломона: *Est vanitatum vanitas*; первому благоданію Александра по всѣмъ концамъ свѣта противопоставляется таковое, близкое къ небу житіе «блаженныхъ», брахмановъ-оксидраковъ Псевдокаллисена.

Эпизоду о брахманахъ особенно посчастливилось въ отраженіяхъ Александровой легенды, и въ немъ проносятся та же смѣна міросозерцаній и приуроченій, какую мы наблюдали въ другихъ частяхъ романа У Псевдокаллисена брахманы-оксидраки живутъ на островѣ, окруженномъ молочной рѣкой (*ἰσὸς γάλακτος καὶ λευκὴν ὡς γάλα* III, 5); въ статвѣ Палладія, внесенной уже въ древнюю версию Псевдокаллисена А', они помѣщены по эту сторону Ганга, раздѣляющаго ихъ отъ женъ, что отбѣчаетъ представленію Псевдокаллисена объ Амазонкахъ (ср. Pseudocall. ed. Müller III, 3, 25); талмудическія легенды представляютъ нарцызъ къ тѣмъ и другимъ въ рассказѣ о посѣщеніи Александромъ мудраго царя Кассіи, за горами мрака, и Кароагена, населеннаго жен-

1) Разысканія гл. V, стр. 131 прим.

2) Сл. выше, стр. 14 прим. 4; стр. 35, прим. 4.

3) Изъ исторіи I. с. стр. 287—8.

4) Сл. выше, стр. 28.

5) Сл. выше, стр. 18.

6) Сл. выше, стр. 29.

7) Какъ явн. въ Эіопіи, гдѣ Соломонъ и Александръ одинаково приурочены къ народной религиозно-политической легендѣ. Ср. мои Сказанія о Вавилонѣ, скинии и сн. Гразѣ, § III. Къ біографіи вопроса укажу на работу Deramey, *La reine de Saba* в *Rev. de l'histoire des religions* XV ann. t. XXIX, № 3, Mai-Juin. Авторъ разбиваетъ абиссинскую книгу *Kebrä-Nagast* (Слова царей), которую Преторіусъ относитъ къ VII—VIII вв.; эпизодъ, составленный позже, утверждаетъ, что книга эта переведена съ арабскаго текста, въ свою очередь переведеннаго съ коптскаго, найденнаго въ Александріи въ гробницѣ св. Марка. Соломонъ соединяется съ царевнѣ Савекой, Македой (ср. Славянскія сказанія о Соломонѣ и т. д., стр. 345 слѣд.), въ ту же ночь ему видѣтся сонъ: солнце вышло изъ Иудеи и перешло въ Эіопію, гдѣ и осталось навсегда (разумѣется перенесеніе символа Соломона и Македы Иерусалимскихъ святыхъ въ Эіопію); затѣмъ поднялось новое солнце (Христосъ), возбудившее въ Параллѣ гнѣвъ и презрѣніе, тогда какъ Римъ и Эіопія признали его. Оттого они и раздѣлять между собою міровое царство, а Израиль будетъ обдѣленъ. — Это точка зрѣнія Меоводіевскихъ откровеній.

щинами ¹⁾.— Но уже въ Pseudocall. В и С рядомъ съ брахманами является страна блаженныхъ, Божія, въ области мрака или рядомъ съ нею, а передъ тѣмъ рассказывается, какъ Александръ пришелъ по пустынь, среди полной тьмы, къ берегу моря, слышитъ на островѣ голоса людей, говорящихъ по эллиски, но перебраться туда не можетъ (сл. Pseudocall. ed. Müller II, гл. 38—40 и слѣд.). Представленіе области блаженныхъ въ соединеніи съ образами окружающей ее мглы, мрака и воды стало типичнымъ; укажу на эіопскаго Псевдокаллисена, гдѣ путь идетъ во мракъ по морю, которое кажется сушею ²⁾; такъ и въ интерполяціи *Roman d'Alexandre*: четыре дня въ горѣ, затѣмъ по рѣкѣ, вытекающей изъ нея; у Якова von Maerlant: по морю, среди тьмы; въ другихъ пересказахъ удержалось лишь представленіе о путешествіи по водѣ ³⁾.

Къ этому представленію привязался родъ библейскихъ приуроченій. О брахманахъ-мудрецахъ, какъ потомкахъ Сивы, говорятъ эіопскій Псевдокаллисена ⁴⁾ и сербская Александрія; первый, съ ссылкой на Зосиму; но въ Хожденіи послѣдняго, насколько оно извѣстно по славянскимъ и греческимъ текстамъ, генеалогія блаженныхъ другая. По сербской повѣсти Александръ проникаетъ къ нимъ, посѣтивъ сыновъ Сивы; они живутъ на островѣ, за ними страна тьмы. Это даетъ мнѣ поводъ присоединить нѣсколько новыхъ подробностей къ легендѣ о Рехавитахъ, уже разсмотрѣнной мною при другомъ случаѣ ⁵⁾.

Въ IX вѣкѣ Eldad ben Mahli помѣстилъ въ Эіопію и южной Аравіи четыре изъ израильскихъ коленъ (коляна Дана, Нафтали, Гадъ и Ашеръ); коляно Дана, будто бы, выселилось въ Эіопію до раздѣла царства при Ровоамѣ и Иеровоамѣ; послѣдствіи къ нему присоединились и три другія. На ихъ границѣ, по ту сторону рѣки Самбатіона или Самбатіона, живутъ сыновья Моисея: потомки тѣхъ левитовъ, которые помѣстили свои гуси на плавъ Евфрата и не захотѣли пѣть сіонскія пѣсни на неосвященной землѣ. Когда халдеи принуждали ихъ къ тому, они откусили себѣ пальцы; тогда облако подняло ихъ на высоту и перенесло въ страну *Shavila*. Рѣка окружила селеніе любящихъ Божіихъ, въ защиту отъ враговъ, но въ ней не текла вода, а съ страшной быстротой и силой катился песокъ и камни. Это и есть Самбатіонъ, текущій въ продолженіи шести дней, въ субботу-же покоющійся и окутанный густымъ туманомъ; пшито не можетъ переправиться черезъ рѣку, почему остальные коляна сносятся съ сыновьями Моисея лишь издали, не имѣя

1) Изъ исторіи стр. 287 слѣд., 289—90.

2) Сл. выше, стр. 344.

3) Сл. Hertz, I. с. стр. 52, 55, 60, 70, 71, 73, 75, 78, 80; ср. Новые данныя: Гаркави § 9 = Gaster § 24.

4) Сл. выше, стр. 541.

5) Изъ исторіи, стр. 291 слѣд.; ср. Gaster, *An old hebrew romance*, стр. 487—8, 497.

возможности вступить въ ихъ страну, въ которой водятся лишь чистыя животныя ¹⁾.

У Ibn-Faṭīh (ок. 900 г.) Александръ перебирается къ рахманамъ черезъ песочную рѣку, встрѣчающуюся и у Псевдокаллистоена, но въ другомъ приуроченіи (С. II, 30); другое ей названіе: субботняя, Саббатонъ, потому что на субботамъ она не текла ²⁾.

У Иосиппона «сына Моеся» отъвѣчаютъ потомки Рехана, которыхъ Александръ находитъ за горами мрака и — посѣтитъ пустынникъ Зосима. Сорокъ дней идетъ онъ по пустынь, затѣмъ принимаетъ его на себя верблюдъ, дабы вѣтеръ несесть его къ рѣкѣ Эмилу и облачной стѣнѣ, простирившейся до небесъ. Ни черезъ ту, ни черезъ другую не пройти; тогда два дерева вырастаютъ по обѣ стороны рѣки, наклоняются другъ къ другу и даютъ Зосимѣ возможность перебраться въ страну блаженныхъ. Они говорятъ ему о себѣ: когда пророкъ Іеремія провидѣлъ нашествіе иноплемениковъ, сталъ увѣщать людей, чтобы они отъитались отъ дѣла беззаконія; услышавъ это Рехавъ, сынъ Аминадавъ, и держитъ ту же проповѣдь своему роду: пусть воздержатся отъ хлѣба, вина и елея (слав.: и общенія съ женами) и соевлекутъ одежды свои, пока Господь не услышитъ ихъ молитвы. Они послушались, и гнѣвъ Господень отъитался отъ Іерусалима. Затѣмъ воцарился тамъ другой царь, передъ которымъ обвинили потомковъ Рехана: есть между нами люди, сторонящіеся насти (слав.: не смѣшивающіеся съ своими женами). Ихъ ввергаютъ въ темницу, но ангелы являютъ ночью и приносятъ ихъ къ рѣкѣ; они идутъ по ней (слав.: по ея теченію), руководимые ангеломъ, пришли въ эту страну; тогда «погыбе вода рѣки сей и разсѣдся мѣсто то, взиде вода отъ бездны и огради землю сию; и прииде облако и ста отъ воды до небеси. И такъ [не] разсѣя ны (оѣмъ бѣспаренъ хѣлѣс) Господь по всей земли сей и предать ны есть живыи мѣста сего». — Блаженные даютъ Зосимѣ свое «житіе», начертанное на каменныхъ доскахъ (слав. доски оловчаны), которое, вернувшись, онъ возлагаетъ на алтарь своей пещеры. На обратномъ пути передъ нимъ снова склоняются деревья и его несеетъ верблюдъ (въ первомъ текстѣ у Тихонова: левъ).

Слѣченіе древняго текста славянскаго хожденія (по рук. XIV вѣка) съ варьянтами греческаго въ изданіи г. Васильева бросаетъ свѣтъ на характеръ перевода и отличія его оригинала. Что Рехавитамъ рекомендуется воздержаться отъ общенія съ женами — это, быть можетъ, принадлежати переводчику, такъ понявшему приказъ царя: общаться съ другими людьми (κλτχρῶντες); дабы оказывается, что нѣкоторые изъ блаженныхъ емлютъ себѣ женъ и живутъ съ ними, пока не будетъ у нихъ духъ чадъ, послѣ чего они пребываютъ въ чистотѣ, одно изъ

чадъ назначается для брака, другое соблюдаетъ дѣвство. — Въ греческомъ текстѣ Рехавиты идутъ по водѣ (не по теченію ея), что напоминаетъ хожденіе Александра въ область тѣмъ по эоіонскому Псевдокаллистоену: Александру казалось, что онъ идетъ по сушѣ, тогда какъ онъ шествовалъ по великому морю. Подробности, что вода въ рѣкѣ изсякла, а другая поднялась изъ бездны, встрѣчается только въ греческомъ текстѣ XVI вѣка (синод. ркп. 290), въ которомъ одною находимъ и отождествленіе блаженныхъ Зосимы съ брахманами Александра: «Αὐτῶντος Ζωσίμου μοναχοῦ περὶ τῶν πατέρων ἡτοι τῶν Βρα[χ]μάνων οὐκ εἶπεν Ἀλέξανδρος· καὶ Φίλιππος (?) καὶ διέλογον πρὸς αὐτοὺς ὑμνοῦσι ὡς ἔρεε βῆταρα. Текстъ съ подобнымъ заглавіемъ могъ имѣть въ виду составитель 2-й редакціи славянскаго Александріи, но воспользовался имъ очень неумѣло: Александръ бесѣдуетъ у него съ Рахманами на Гангѣ, по Палладію, а дабы они — Рехавиты, живущіе за рѣкой Евмеаіей, и сообщается вкратцѣ содержаніе хожденія къ нимъ Зосимы ³⁾.

Этого Зосиму я сблизилъ съ Зосимой житія св. Марія египетской, написанной патріархомъ Софроніемъ († 644), съ чѣмъ согласенъ и г. Васильевъ ⁴⁾; брахманы эоіонскаго Псевдокаллистоена, о которыхъ говоритъ пустынникъ Зосима, привели Бѣдзя къ предположенію, что разумы сѣ сомнительный палестинскій подвижникъ неизвѣстнаго времени ⁵⁾. Но въ хожденіи Зосимы блаженные названы потомками Рехана, въ эоіонскомъ Псевдокаллистоенѣ — сыновьями Сивоа. Можетъ быть, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ недосмотромъ или вольностью составителя сирийско-эоіонскаго Псевдокаллистоена; или существовать текстъ хожденія съ такимъ именно отличіемъ? Эоіонское хожденіе Герасима, изданное Бѣджомъ ⁶⁾, ставитъ и другой вопросъ, не затронутый издателемъ, потому что отъ него ускользнула параллель съ хожденіемъ Зосимы. Въ сущности, это одна и та-же легенда, съ небольшими отличіями въ подробностяхъ и тѣмъ-же вѣншиимъ приуроченіемъ къ Александру, какъ въ синодальномъ спискѣ 290; въ эоіонскомъ текстѣ блаженные не названы Рехавитами, но рассказывается о нихъ то же, а введеніе къ повѣсти представляетъ пересказъ апокрифа о плѣненіи Іерусалима ⁷⁾. Заглавіе эоіонскаго сказанія такое: Исторія блаженныхъ людей, жившихъ во время пророка Іеремія; дѣйствующее лицо авва Герасимъ, въ которомъ Бѣдзь усматриваетъ Герасима Лидійскаго († ок. 475 г.), основавшаго монастырь близъ Іордана. О себѣ онъ говоритъ въ сказаніи, что онъ родомъ изъ Греціи, пришелъ въ Іерусалимъ, крестился въ Іорданѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ крестенъ былъ Спаситель, и жить въ пещерѣ за Іорданомъ, затѣмъ въ обители,

1) Истрия. I. с. стр. 223 слѣд.; сл. текстъ ib. стр. 198 слѣд., 219—220.

2) Vassiliev, Anecdota I. с. стр. XXXVIII—XL.

3) Сл. выше, стр. 541.

4) I. с. II, стр. 555 слѣд.

5) Сл. Изъ исторіи I, стр. 331 слѣд.; 342 слѣд.; Vassiliev I. с. № 15 и стр. LIX слѣд. предисловія.

1) Сл. Изъ исторіи стр. 228, §§ 5—8; стр. 265—7, и слѣд.

2) Nöldeke I. с. стр. 48. Я не понимаю его замѣчанія, что первоначально рѣка наполнилась водою лишь въ субботу (какъ у Иосифа Flavia De bello Jud. 7, 5, 1), но что это предположеніе уступило обратному, въ связи съ ученіемъ о субботнемъ покоѣ.

называемой «домом св. Иоанна», где застал 59 иноков; вернувшись от блаженных, он написал свое хождение и положил его в церкви св. Иоанна¹⁾.

Всё эти мѣстности легко опредѣлять: пещеру за Иорданомъ можно искать гдѣ-нибудь по близости пещеры Предтечи, о которой говорятъ старые паломники; по сю сторону рѣки лежали монастыри Иоанна Крестителя съ большой церковью Иоанновой или Троицкой; другая малая церковь по имя Предтечи стояла на мѣстѣ крещенія Спасителя. Герасимъ зоонокской легенды жилъ въ какой-то обители, и здѣсь его сикеллъ познакомилъ его съ «книгой царя Александра»; подъ церковью св. Иоанна, куда положенъ былъ рассказъ о хожденіи, слѣдуетъ разумѣть большую церковь Иоаннова монастыря; въ сосѣдствѣ находились монастыри св. Герасима и преподобнаго Зосимы²⁾. «На Иерданѣ жъ есть монастырь великъ зѣло Иоанна Предтечи, говоритъ Игнатій, ... тамо Марья Египетская переходила Иерданъ ко Иисусѣмъ, яко по суку... Оттуда недалеко, съ пять поприщъ близъ Содоискскаго моря, есть монастырь святаго Герасима, у него жъ звѣрь левъ жилъ; есть и гробъ святаго Герасима, за оларемъ естъ, а звѣрь той левъ, что ему работалъ, въ ногахъ у него погребенъ лежитъ»³⁾. Архим. Агросеиній помѣщаетъ въ трехъ верстахъ отъ святаго Продрома обитель св. Герасима, «еже оужъ левъ послужилъ»⁴⁾; «виждоу въ гробницѣ, нѣдѣе кладу съ святии отци изъ предтечева монастыря, разсказываетъ Зосима, и ту бихомъ челоуѣкъ и цоловахъ мощи святихъ старцевъ и святаго старца Зосиму, пакъ Марию египетскую причащала. И оттоу пдохъ въ Герасимовъ монастырь, ему жъ левъ поработа, нѣтъ при Ирдане поприще едино»⁵⁾.

Чередование именъ Зосимы и Герасима въ хожденіи къ «блаженнымъ» объясняется изъ географическаго сосѣдства памятѣй о святихъ, равно какъ настроеніемъ ихъ житій. Зосима кликиецъ жилъ въ одномъ изъ палестинскихъ монастырей и отличался такой святостью, что Господь удостоивалъ его своими откровеніями. Но у него явилось самолюбіе: естъ ли на свѣтѣ инокъ, который могъ бы наставить его въ дѣлѣ иноческаго подвига чему-нибудь, чего бы онъ самъ не зналъ, чего-бы не творилъ? Тогда нѣкто предсталъ ему, велитъ идти за Иорданъ, въ обитель, лежащую такъ уединенно, что многіе изъ сосѣдства совѣтъ не знали о ея существованіи. Описывается идеалъ иноческаго житія, посвященнаго молитвѣ и псалмопѣнію, далекаго отъ всѣхъ мірскихъ помысловъ. Здѣсь остался Зосима, найдя себѣ сотрудниковъ *κλῆρος τὸν αὐτὸν νοσηροῦντων*

παρρησιῶν. Великій постъ передъ Воскресеньемъ Христовымъ эти отшельники справляли такъ, что, перебравшись по ту сторону Иордана, расходились по одиночкѣ, проводя время въ славословіи и молитвѣ, питаясь нѣрѣдко одними злаками. Вместе съ другими отправился и Зосима, все далѣе и далѣе углубляясь въ пустыню. Онъ жаднѣе встрѣчи съ какимъ-нибудь мужемъ, который просвѣтилъ бы его, и встрѣчается съ Маріей Египетской¹⁾.

Св. Герасимъ, изъ Ликии, родился въ христіанской семьѣ, съ малыхъ лѣтъ воспитывался въ монастырѣ, посѣтилъ святыни Иерусалима, велъ отшельническую жизнь въ окрестностяхъ Мертваго моря. Въ одной книгѣ отъ Иордана, въ долині Иерихона, онъ основалъ обитель, киновію для послушниковъ, тогда какъ старцы жили каждый въ своей кельѣ, питаясь хлѣбомъ, водой и финиками, обходясь безъ огня, занимаясь плетениемъ веревъ и корзинъ; лишь по субботамъ и воскресеньямъ они сходились въ киновію къ причастію, вкушали варева и немного вина и, сдавъ работу, уносили каждый свою долю пищи на недѣлю. Самъ Герасимъ постился еще строже. Разсказывается о томъ, какъ ему чудеснымъ образомъ возмѣщена была кончина св. Евоніи и какъ однажды, гуляя по берегу Иордана, онъ встрѣтилъ льва, который подаль ему лапу, наболѣвшую отъ занозы; святой вынулъ ее, и съ тѣхъ поръ левъ сталъ послушнымъ ему животнымъ: его называли Иорданомъ, по приказанію святаго онъ возитъ воду съ рѣки на потребу инокамъ и издыхаетъ съ горя на могилѣ св. Герасима († 475), котораго похоронили въ полукиелѣ отъ церкви²⁾.—Мотивъ анекдота объ Андроклѣ, примѣнившійся къ стилю житія.

Вернемся къ легендѣ о Рехавитахъ. Зосима кликиецъ стремится къ высшему идеалу святости и приходитъ въ загадочную обитель, гдѣ иноки видутъ близкое къ райскому житію; Герасимъ изъ Ликии подворяетъ нѣчто подобное въ своей киновіи на Иорданѣ; у него помощный левъ; левъ копаетъ могилу для Маріи Египетской въ житіи Зосимы. Это не левъ-ли зоонокской легенды о блаженныхъ?

Вотъ ея содержаніе: пророкъ Іеремія обличаетъ царя подолслужителя Седекію, явившись къ нему, по повелѣнію Божию, съ своими учениками Варухомъ и Гормиздой. Царь велитъ бросить пророка въ сырцуду яму, гдѣ Авимелехъ его питаетъ, а Іеремія вѣщаетъ ему, что онъ не увидитъ казнь, уготованной Господомъ царю и народу Израиля. По прошествіи трехъ дней и трехъ ночей ангелъ похитилъ Іеремію и поставилъ его передъ лицомъ Господа, который велитъ ему пойти въ Иерусалимъ, взять изъ сіонскаго храма святыни ковчега и спрятать ихъ въ пещерѣ на Оливной горѣ; вывести изъ города всѣхъ, живущихъ въ страхѣ Божіемъ, и весь родъ Іереміи съ женами и дѣтьми. Пророкъ молится, чтобы Господь сподобилъ этотъ народъ — не лицезрѣть разрушенія Иерусалима,

1) Budge I. c. стр. 562 прим. 1; 564—5, 583.

2) Повѣсть Евангелія о Иерусалимѣ, изд. В. Г. Васильевскій, стр. 28, 30 и прим. 73, 88—90; Даниилъ Рюссійскій, Разсказы и Путешествіе по св. мѣстамъ, изд. Г. Дестунисонъ, стр. 58 прим. 3, 4.

3) Хожденіе Игнатія Синаитина, изд. С. В. Арсеньева, стр. 22.

4) Хожденіе Архим. Агросеинія, изд. Архим. Леонидомъ, стр. 17.

5) Хожденіе инока Зосимы, изд. Х. М. Лопаревъ, стр. 19.

1) См. Изъ исторіи романа I. c. стр. 302—3.

2) См. житіе св. Герасима, изд. по Патмосской ркп. Пападопуло-Керемевсомъ, *Ανέκδοτα Ιεροσολιμικῆς σταχυολογίας*, т. 4, стр. 175 слѣд.

и молитва услышана: ангелы ведут их на морской остров, там гора где нѣтъ ни труда, ни печали, ни голода, ни жажды, ни жара, ни холода, ни грабежа, ни угнетія, ни лжи, ни прелюбодѣнія, а миръ и любовь. Здѣсь и поселились блаженные, дено и ночью славослова Творца.

Между тѣмъ Дарій отослалъ Иудеевъ въ Иерусалимъ послѣ семидесятилѣтняго вавилонскаго плѣненія, а Александръ вступаетъ въ городъ и казнитъ священниковъ, отказавшихся выдать ему порфиру. Священники убили пророка Захарію на порогѣ храма, разсѣвшемся и поглотившемъ его тѣло; съ тѣхъ поръ изъ порога сочилась кровь — до явленія Александра. Онъ облачается въ порфиру, но тотчасъ-же снимаетъ ее, смиряясь передъ волей Всевышняго.

Далѣе онъ направляется къ странѣ блаженныхъ, съ которыми бесѣдуетъ: они изъ колѣнъ Леви и Иуды, родичи Іереміи¹⁾.

Христовъ вѣра распространилась по всей землѣ, всюду стали Божьи церкви, умножилось монашество; и вотъ нѣкій инокъ Герасимъ, жившій въ пещерѣ за Иорданомъ, вычиталъ въ «книгѣ царя Александра» о блаженныхъ, къ которымъ онъ ходилъ, и у него самого явилось страстное желаніе лицезрѣть ихъ. — Слѣдующій далѣе разсказъ совпадаетъ въ основныхъ чертахъ и планѣ съ хожденіемъ Зосимы: Герасима несетъ не верблюдъ, а левъ; вмѣсто рѣки Евфрата и облака — море, но ничего не говорится, что оно непереходимо. Дерево склоняется передъ путникомъ, принимаетъ его на свою вершину, склоняется и другое, стоящее въ морѣ, и нагнувшись въ другую сторону, ставитъ его на островъ блаженныхъ. Герасимъ говоритъ имъ о себѣ, о распространеніи христіанства, блаженные о своемъ происхожденіи, родѣ жизни и библейскихъ пророчествахъ о Христѣ, которыхъ Герасимъ подтверждаетъ пересказомъ евангельскихъ событій. Библейско-христіанскія воспоминанія съ любовью развиты; въ хожденіи Зосимы ихъ нѣтъ. Интересно и еще одно отношеніе: когда подходитъ время великаго поста, деревья перестаютъ приносить плоды, взаимѣ ихъ падаетъ съ неба манна, которой и питаются блаженные, а къ пасхѣ деревья снова даютъ плодъ²⁾. Въ хожденіи Герасима къ этому присоединяется и та еще черта, что на время поста вода въ рѣкѣ (= морѣ) высыхаетъ и снова наполняется съ наступленіемъ Воскресенья Христова. Это — знакомый намъ образъ Саббатіона.

Остановлюсь еще на одной подробности. Въ хожденіи Зосимы Рехавиты внемлютъ вѣщанія Іереміи и молятся и постанутъ, надѣясь отвратить гнѣвъ Божій, грозившій обрушиться на Иерусалимъ. Это указываетъ на царствованіе Седекіи и взятіе Навуходоносорома Иерусалима; но ни о Седекіи, ни о взятіи города нѣтъ рѣчи, сказано только, что гнѣвъ Божій былъ отвращенъ. Если составитель 2-й редакціи русской Александріи упомянулъ по этому поводу имя Седекіи, то онъ могъ руководиться

при этомъ своими библейскими воспоминаніями³⁾. — Затѣмъ начинается какъ-бы новый разсказъ: возсталъ иной, безымянный царь, онъ-то и заточилъ Рехавитовъ, которыхъ ангелъ переселилъ въ страну блаженныхъ.

Иной распорядокъ представляетъ хожденіе Герасима: говорится согласно съ библейскимъ преданіемъ, о заключеніи Іереміи Седекіей; подразумевается послѣдовавшее за тѣмъ разореніе Иерусалима: на это указываютъ имена Варуха и Авимелеха; Авимелеху, согласно съ апокрифомъ о «плѣненіи», Іеремія пророчитъ, что онъ не увидитъ разрушенія города: онъ пережилъ во снѣ семидесятилѣтнее вавилонское плѣненіе. Затѣмъ Іеремія освобожденъ изъ темницы по волѣ Божьей (по исторіи — Навуходоносоромъ) и выводитъ блаженныхъ изъ Иерусалима; объ ихъ заточеніи нѣтъ и рѣчи.

Можно предположить, что основной текстъ хожденія — Зосимы или Герасима — отнѣчалъ распорядку и намекамъ эоипскаго текста: заключеніе Іереміи Седекіей, взятіе Иерусалима Навуходоносоромъ, чудесный выходъ блаженныхъ. Если такъ, то хожденіе Зосимы представляетъ уже вторую, измѣненную редакцію, съ безымяннымъ царемъ и заточеніемъ рехавитовъ. Съ этимъ именно типомъ легенды роднится «мученіе пророка Давида и трехъ отроковъ», извѣстное по двумъ редакціямъ нашего пролога, по стилистическому прологу, сказанію, приписанному Кириллу Александрійскому, и Макарьевскимъ Минеемъ⁴⁾. Въ вѣстномъ прологѣ три отрока, сыновья или внуки царя Езекии, уведены были въ Вавилонъ по плѣненіи Иерусалима Навуходоносоромъ, который поставилъ ихъ вѣстеламъ, а затѣмъ ввергъ въ печь огненную, когда они не захотѣли поклониться «тѣлоу золотому». Ангелъ сохранилъ ихъ здоровыми, и Навуходоносоръ «исповѣда Бога небу и землѣ». Затѣмъ явился другой царь, Атикъ, отъ котораго они и были усѣчены вмѣстѣ съ Давидомъ. Стишнымъ прологъ добавляетъ, что ангелъ отнесъ тѣла отроковъ на гору гевальскую (Γεβλ), въ Слоѣѣ, приписанномъ Кириллу Александрійскому, ихъ погребли тамъ ихъ единоуменики; перенесенные за тѣмъ въ Вавилонъ, они лежали тамъ до пришествія Христова; въ числѣ мужей, воскресшихъ во время смерти Спасителя, были и Езекия съ тремя сыновьями, и Господь послалъ ихъ въ рай. — Связь съ легендой о рехавитахъ, и именно съ редакціей Эльдада, устанавливается подробностью, повторенной и въ статьѣ Макарьевскихъ Миней, представляющей другой переводъ того-же Слова: что когда евреевъ вези въ Вавилонъ, ихъ принуждали пѣть пѣсни, какія они пѣли въ своей землѣ; святые отроки отказались, подвержены были мученію, но ангелъ исцѣлялъ ихъ раны. Отмѣтимъ дѣя подробности Кирилловской легенды въ двухъ ея славянскихъ отраженіяхъ⁵⁾: святые отроки, слѣдуя наставнику своему Давиду, сокрушили змія великаго;

1) Ca. Vassiliev I. c. стр. 174.

2) Истрикъ I. c. стр. 178 слѣд.; Приложение стр. 347 слѣд.

3) Ев. вѣрталый греческій источникъ (ср. Fabricii Bibliotheca graeca v. IX, стр. 70) указываетъ Истрику стр. 186 прим. 1.

1) Ca. Vassiliev I. c. стр. 174.

2) Изъ исторіи, I. c. стр. 299.

Навуходоносоръ пришелъ въ разумъ и увѣровалъ въ Бога, а писаніе о Даниилѣ и отрокахъ найдено было Кирилломъ, послѣднимъ епископомъ александрийской церкви, и списано съ «завѣта Даниилова», съ «потайныхъ» книгъ Даниіловыхъ; въ текстѣ Четвѣхъ Миней: «обрутошаса на хрустальныхъ дишцахъ написана»¹⁾. Гдѣ обрутенъ былъ этотъ завѣтъ, книги, хрустальные дишцы? Тѣла Даниіла и святыхъ трехъ отроковъ лежали въ Вавилонѣ (Кириллъ Александрійскій, Епифаній Кипрскій, Епистолія пресвитера Іоанна, Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ и русская Александрія второй редакціи), гдѣ обрутена была и грамота Даниилова (Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ), либо въ Ктезифонѣ (Хожденіе трехъ иноковъ къ Макарію)²⁾; по Епистоліи Пресвитера онъ посѣщаетъ мощи пророка Даниіла именно въ пустынномъ Вавилонѣ; еврейскій переводъ Посланія замѣнилъ ихъ—іудейскимъ царемъ Данииломъ, гдѣ-то въ Африкѣ³⁾.

Кончу разборомъ соответствующаго эпизода еврейской Александріи, пересказанной г. Гаркави и переведенной Гастеромъ. При своемъ компилированномъ характерѣ, она не разъ возвращается къ мотивамъ, характернымъ при изображеніи страны блаженныхъ, но дѣлаетъ это въ разбродъ, очевидно руководясь различными преданіями, либо смѣшивая ихъ. На первый разъ Александръ съ войскомъ поднимается вверхъ по рѣкѣ, чтобы добраться до источника сладкой воды, но вѣтеръ забросилъ ихъ въ пещеру, гдѣ они не видятъ ни солнца, ни луны; черезъ 29 дней они выходятъ къ двумъ вѣщимъ деревьямъ, которые пророчатъ Александру. — Путь по пещерѣ отвѣчаетъ такому-же въ Roman d'Alexandre. — Непосредственно за тѣмъ Александръ проникаетъ по ту сторону тьмы и присутствуетъ при мудромъ судѣ туземнаго царя⁴⁾. — Эпизоду брахмановъ—оксидраковъ Псевдокаллистоена (ed. Müller III 5—6) отвѣчаетъ у Гаркави глава 14-ая (= Gaster § 32), даѣе идетъ сообщенный выше рассказъ о свиноподобной землѣ, источникѣ безсмертія (не въ странѣ мрака) и хожденіи Александра къ вратамъ Эдема⁵⁾. Отдѣльно стоитъ эпизодъ о библейскихъ блаженныхъ⁶⁾; бура застѣгла Александра на морѣ и перебросила его въ землю Купъ (Эвипію), которая близка къ десяти колѣнамъ израильскимъ. Ихъ окружаетъ рѣка, пращающая камни продолженіемъ всей недѣли до кануна субботы. Вступивъ въ рѣку, когда прекратилось вращеніе камней, Александръ посылаетъ провѣдать, что тамъ за народъ. Они отвѣчаютъ, что они Израильяне, переселившіеся изъ святой земли въ дни Сенахерима, царя Ассиріи. Александръ посылаетъ къ нимъ своего псаца, еврея Менахема,

съ просьбой дозволить ему пройти съ войскомъ черезъ ихъ землю; но Менахема упрекаютъ за то, что онъ пустился въ путь съ дѣловымъ порученіемъ, презрѣвъ святость субботняго дня. Когда Александръ отправилъ къ нимъ другое посольство, ему объявили, что могутъ сноситься лишь съ обрѣзанными. Идетъ къ нимъ самъ Александръ, ибо этотъ обрядъ былъ надъ нимъ совершенъ, и какой-то старецъ говоритъ ему о жизни и бытѣ десяти колѣнъ: они живутъ войною съ сосѣдними язычниками, противъ которыхъ пять колѣнъ отправляются въ походъ на десять лѣтъ, послѣ чего смѣняются другими пятью. Денно и ночью всѣ изучаютъ Тору, а по субботамъ до полудня наслаждаются всевозможными яствами. Не получивъ дозволенія провести войско по ихъ странѣ, Александръ возвращается, переправившись черезъ рѣку, когда въ субботу онъ снова стала спокойна. — Въ непосредственно слѣдующей главѣ говорится о землѣ Пидуніи, гдѣ горы покрыты чѣмъ-то приторно сладкимъ, похожимъ на манну. Это не машина-ли, которой питаются блаженные Зосимы? Хожденіе его и Герасима—христіанская переизполька легенды Эльдада, пересказанной еврейской Александріей.

V.

Чѣмъ дальше мы проникаемъ въ чашу сказаній, питающихъ средне-вѣковую фантазію, тѣмъ серьезнѣе поднимается вопросъ о культурныхъ и повѣствовательныхъ скрещиваніяхъ, тѣмъ рѣче обозначается вліяніе классическаго и специально византійскаго начала. Александрія играетъ здѣсь не послѣднюю роль. Я уже нѣмѣлъ случай поставить вопросъ получающій значеніе не въ границахъ только ея вліянія: въ сербскомъ романѣ, въ передачѣ собственныхъ именъ греческаго подлинника, *φ* нерѣдко замѣняется *и*: Фригія—Придія, Фарияжъ—Парияжъ, Вучифалъ—Дучинал; Поръ—Форъ и Поръ. Форъ является-ли обычной въ сербскомъ текстѣ перегласовкой Пера, или отзвукомъ восточнаго *Fur*? Именно эта форма имени указываетъ на персидскій источникъ сирійско-эвюпскаго Псевдокаллистоена. Отвѣчу въ повѣсти объ увозѣ Соломоновой жены тѣ-же имена съ той-же перегласовкой: Поръ, нѣм. Pharo¹⁾.

Интереснѣе, быть можетъ, слѣдующій фактъ, если только дѣло идетъ не о случайномъ совпаденіи именъ и образовъ.

Saga о Göngu-Hrólfi²⁾, XIV вѣка, принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ романтическихъ или вымышленныхъ, только внѣшнимъ образомъ приуроченныхъ къ именамъ и отношеніямъ старыхъ сагъ, но съ содержаніемъ сказочнымъ, съ двергами и чарами и сильно-развитымъ элементомъ чисто-сѣвернаго чудеснаго. Сказочное содержаніе пришло нерѣдко извнѣ, изъ завожгихъ повѣстей, переводныхъ или перенятыхъ устно; такъ въ эпизодѣ нашей саги о Hrólfi и Villjálmi при дворѣ въ

1) Истрия I. с. Приложение стр. 355, 351.

2) I. с. стр. 185—7 и прим.

3) Orpert, Der Presbyter Johannes, стр. 40, прим. 1.

4) Новые данныя, Гаркави §§ 9—10 стр. 90 сабд. = Gaster §§ 24—5 Са. Изв. исторіи стр. 287. сабд.

5) Гаркави I. с. § 16 = Gaster §§ 37—8. Са. выше, стр. 560—1, 563—4.

6) Гаркави I. с. §§ 25,—6 = Gaster § 50—4.

1) Изв. исторіи, I. с. стр. 361—2; Nöldeke I. с., стр. 38.

2) Fornaldar Sögu Norðlanda III стр. 237 сабд.

Gaḍaríki отразились, быть может, сходными отношениями Конрада и Роберта въ сагѣ о первомъ: мотивъ предателя, заставившаго своего друга сказаться слугою, тогда какъ самъ онъ является въ роли хозяина ¹⁾).

Дѣйствіе саги обнимаетъ Швецію, Норвегію, Данию, Англію, Tattara-riki; центръ Gaḍaríki — Русь, съ Гольмгардомъ—Новгородомъ ²⁾, Erm-land'омъ, Aldeigjuborg'омъ (=Ладогой?) и Koenigaborg'омъ (Кіевомъ), лежащимъ у горы, отдѣляющимъ Jötunheim отъ Holmgarðaríki ³⁾.—У русскаго конунга Hreggvið'a дочь красавица, Ингигерда; на него идетъ войною конунгъ Eirekr изъ Gestrekaland, и Hreggviðr падъ въ битвѣ. Его дочь соглашается выйти за побѣдителя лишь подъ условіемъ, что ей будетъ данъ трехгодичный срокъ и ея судьба рѣшится поединкомъ между витяземъ Эйрека и тѣмъ, кого она поставитъ отъ себя. Hreggviðr торжественно похороненъ въ холмѣ, но онъ продолжаетъ жить въ немъ призрачною жизнью, порой показывается, порой свѣтится, и таинственно вліяетъ на ходъ событий. Онъ ищетъ мстителя за себя и дочь. Когда однажды fögnútr, король Ютланда и Дании, сидѣлъ на могилѣ своей жены, чайка (это была Hreggviðr) уронила ему на колѣни прекрасный, длинный золотой волосъ. Это волосъ Ингигерды, говоритъ совѣтникъ короля, и Торгнирръ обращается къ своимъ людямъ: кто поѣдетъ въ Gaḍaríki и принесетъ ему вѣсть о дѣвушкѣ, тотъ получитъ руку его дочери и треть его царства. Всѣ молчатъ, никто не отвѣчаетъ, вызывается Hrölf—и сага развивается далѣе, рассказывая о томъ, какъ онъ добылъ царевну, которая впоследствии и становится его женою.

Обращусь къ тѣмъ подробностямъ саги, которые и побудили меня пересказать вкратцѣ ея содержаніе. Когда король Hreggviðr былъ молодъ, ходилъ на Двину (um ána Dvini), что протекаетъ по Гардарики, а оттуда въ Austrríki, гдѣ бился съ разными народами. Двина—третья или четвертая по длинѣ рѣка въ свѣтѣ; ея источникъ искалъ Ингваръ Далекоблжій, какъ говорится въ сагѣ о немъ ⁴⁾. Изъ похода Hreggviðr явился съ богатой добычей, «взялъ и коня, понимавшаго человѣческую рѣчь, звали его Dúlcífal; онъ былъ быстрый, какъ птица, ленокъ, какъ бѣлка, ростомъ съ верблюда (úlfaldr); онъ не давался въ руки человѣку побѣжденному или кому не суждена побѣда, а кому она суждена, тотъ былъ его хозяиномъ. Былъ онъ изъ рода дромедаровъ» (af kyni drómédarígrum) ⁵⁾. Наканунѣ пораженія Hreggvið'a его не могли взять, загнали въ ограду, но когда король подошелъ къ нему, онъ перескочилъ черезъ

двери и помчался въ лѣсъ; всѣ увидѣли въ этомъ недоброе знаменіе ¹⁾. Когда является на сцену Hrölf, мститель за Hreggvið'a, Ингигерда передаетъ ему вооруженіе отца и его коня. Dúlcífal запертъ былъ съ другими лошадами за крѣпкой рѣшеткой, бился и кусался и побивалъ коней, но когда явился Hrölf и ударилъ въ щитъ копьемъ (stönginni), Dúlcífal подошелъ къ нему, а конь и щитъ взвѣли всѣмъ на диво; осѣдлавъ коня, Hrölf вскачилъ на него во оружіи, а Dúlcífal перелетѣлъ съ нимъ черезъ ограду, не задѣвъ ея. Въ битвѣ Hrölf'a съ Eirek'омъ, Dúlcífal бьется самъ: носитъ птицей, стоитъ какъ вкопанный (sem hann vægi grofinn niðr), когда Hrölf сбросилъ своего противника въ лужу, встаетъ на дыбы и топчетъ враговъ, его глаза налились кровью, изъ рта и ноздрей точно пламя пышетъ ²⁾.—Hrölf увозитъ на немъ Ингигерду; на пути предатель Vilhjálmr вколотъ въ него сновторное терніе, и онъ заснулъ, какъ убитый; Vilhjálmr убилъ бы его, еслибы не защита коня; когда предатель удалился съ царевной, Dúlcífal вынимаетъ копытомъ терніе, и Hrölf пускается въ погоню за похитителемъ ³⁾.

Въ этомъ образѣ эпического коня много всѣмъ знакомыхъ сказочныхъ чертъ, пріуроченныхъ къ міросозерцанію сѣвернаго человѣка, но онъ объединялся вокругъ одного центрального образа: Букофала Александрии. Оба—чудесные кони: Букофалъ съ воловьими или волчьими клыками, «вологлавый», Dúlcífal изъ породы дромедаровъ; тотъ и другой даются только героямъ. Dúlcífal не сѣверное прозвище; оно всего ближе къ Доучпалу сербской Александрии; въ послѣдней уже отмѣчена была, въ передачѣ собственныхъ именъ, заміна *ф* черезъ *и*: Доучиналъ отиѣчаетъ, стало быть, первоначальной формѣ: Дучи-валъ. Это приводитъ насъ къ сѣверному Dúlcífal'у и вопросу: откуда явилось это имя въ сербской Александрии, въ доступныхъ намъ греческихъ текстахъ которой царствуетъ старая форма: Букофалъ? Я предположилъ что редакторъ того текста, съ котораго сдѣланъ былъ сербскій переводъ, знакомъ былъ съ литературой западной романтики, съ какой-нибудь утраченной версией Historia de preliis. Къ этому предположенію вели и романы и латинскій обликъ собственныхъ именъ ⁴⁾; сюда относятся и романское по облику Dúlcífal. Подлинникъ сербской Александрии я отнесъ къ XIII—XIV вв.; сагу о Göngu-Hrölf'ѣ относить къ XIV-му. Какимъ путемъ и изъ какого источника прошелъ въ нее эпизодъ о Dúlcífal'ѣ?

VI.

Александрия не только проникла въ средневековую литературу, преданія и сказки, но, какъ мы видѣли, и сама осложнилась по пути встрѣч-

1) См. мои Сказанія о Вавилонѣ, скинии и Са. Градѣ, стр. 2 слѣд. отдѣльнаго оттиска.

2) Стр. 287—8. Holmgarðaríki er sumir menn kalla Gaḍaríki. Са. стр. 285.

3) I. с. стр. 362.

4) Ingvars saga víðförla. Двина вытекаетъ изъ источника Lindibelti (липовый поветъ).

5) Fornaldar sögur III, стр. 239, 240.

1) ib. 242.

2) стр. 281, 294—6.

3) Са. стр. 296, 303, 304, 306—7.

4) Изъ исторіи стр. 444 слѣд.

ными повествовательными элементами. Мирь чудесъ, видѣнныхъ Александромъ, вызывалъ такого рода приращенія, и онѣ являлись: подобныя же чудеса рассказывались о баснословномъ царствѣ пресвитера Іоанна; его Посланіе проникалось въ своихъ позднихъ версияхъ элементами Александрии, а 2-ая редакція русской Александрии въ свою очередь заимствовала многое изъ Епистолин, извѣстной въ нашей письменности подъ заглавіемъ: Сказаніе объ иудейскомъ царствѣ. Изслѣдованіе г. Истрина о послѣднемъ явилось естественнымъ дополненіемъ къ его работѣ, посвященной судьбѣ Псевдокаллистоновой Александрии на Руси.

Матеріалами изслѣдованія послужили: 1) классическая работа Царике надъ латинскимъ текстомъ посланія пресвитера Іоанна въ его различныхъ версияхъ; 2) восемь списковъ славяно-русскаго сказанія, не считая утраченнаго, извѣстнаго лишь по отрывкамъ, приведеннымъ Карамзинымъ (прим. 272 къ III т. Ист. Государства Россійскаго); 3) эпизоды «Сказанія», внесенные во вторую редакцію Славянорусской Александрии; 4) наконецъ особый изводъ текста, сообщенный автору М. Н. Сперанскимъ изъ рукописи Бѣлградской Народной Библиотеки. Установить вѣрные отношенія славяно-русскихъ текстовъ, опредѣлить оригиналы древняго перевода и заглянуть, на сколько возможно, въ его первоисточники: вотъ на какіе вопросы предстояло отвѣтить изслѣдователю. Въ порядкѣ отвѣтовъ, предложу вѣскольکو замѣчаній.

Латинское посланіе пресвитера Іоанна къ византійскому императору Мануилу встрѣчается въ рукописяхъ начиная съ XII вѣка. Составилось ли оно на латинскомъ западѣ, или переведено съ утраченнаго греческаго оригинала? Царике считаетъ существованіе послѣдняго не невѣроятнымъ, основываясь на грецизмахъ *prodē Romeon, ieragham, protorapateu* и т. п.; но въ видѣ такіа грецизма могли непосредственно явиться и въ латинскомъ текстѣ. Г. Истринъ (стр. 6 слѣд.) высказываетъ по этому поводу предположеніе, на которомъ строитъ цѣлый рядъ другихъ. Въ латинскомъ посланіи онъ отличаетъ двѣ части: собственно посланіе пресвитера Іоанна къ императору Мануилу, и сказочную часть. Первое носитъ религиозно-христіанскій характеръ: пресвитеръ Іоаннъ — христіанскій царь, смиренный служитель Христа, атрибуты его власти церковнаго характера, онъ — защитникъ Гроба Господня (стр. 7). Его обстановка вся христіанская; въ описаніи именно христіанской обстановки и встрѣчаются выше приведенные грецизмы (стр. 8—9). Если такъ, то кажется мало вѣроятнымъ, что на пресвитера Іоанна и на Мануила перенесены были типы Дарія и Александра, какъ они представляются у Псевдокаллистонова. «Идея противоположности между гордостью и высокомеріемъ Дарія, съ одной стороны, и смиреніемъ и вмѣстѣ могуществомъ Александра, съ другой, отразилась вполнѣ къ сопоставленію Іоанна пресвитера и императора Мануила», говоритъ г. Истринъ; «если мало заимствованій изъ Псевдокаллистонова, то это объясняется тѣмъ, что при сходствѣ въ идеяхъ пресвитеръ Іоаннъ рѣзко отличался отъ Дарія (и Алек-

сандра) по вѣншей обстановкѣ» (стр. 6), т. е. христіанской. Если я вѣрно понялъ автора, то въ этомъ сопоставленіи пресвитеръ Іоаннъ сближается съ Даріемъ, христіанство пресвитера соединялось съ самосознаніемъ величія, гордыней? Допустимъ такое пониманіе и мы станемъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ: что вызвало такое именно осѣщеніе типа? Литературное вліяніе Псевдокаллистонова могло его оформить, но не создать.

Эта религиозно-христіанская часть посланія могла сложиться въ Византіи и не должа до насъ въ оригиналѣ (стр. 9); отраженіе этого оригинала сохранилось въ нашей былинѣ о Дюкѣ: «Былина о Дюкѣ явилась въ Византіи; содержаніе ея было тождественно въ подробностяхъ съ религиозно-христіанской частью Епистолы пресвитера» (стр. 11). Это византійское посланіе было переведено на латинскій языкъ, но на западѣ его идеи не интересовали, интересовала описательная сторона, диковинки въ царствѣ пресвитера; въ Посланіе вставлены были различныя чудеса (стр. 9): это его сказочная часть. Сравнивъ этотъ отдѣлъ въ древнѣйшей до насъ дошедшей редакціи Епистолин (А) съ Псевдокаллистоновымъ, авторъ пришелъ къ заключенію, что элементъ чудеснаго попалъ въ первую не изъ Псевдокаллистонова, а изъ другихъ источниковъ, приблизительно до X—XI вѣка, когда распространилась въ Европѣ обработка Александрии архипресвитеромъ Львомъ, потому что послѣ этого времени редакторъ сказочной части Посланія естественно обратился бы къ Александрии, съ ея обиліемъ всякихъ фантастическихъ подробностей. На основаніи тѣхъ же соображеній авторъ отрицаетъ, чтобы сказочная часть Посланія могла сложиться въ Византіи: здѣсь Псевдокаллистоновъ былъ распространенъ, не могъ не оказать вліянія на чудеса Посланія; если этого вліянія не обнаруживается, то, слѣдовательно, и соответствующій отдѣлъ Епистолин не принадлежитъ византійскому комментатору (стр. 7—8). Я не отрицаю значенія Александрии, какъ арсенала всякихъ диковинокъ, ни ея вліянія на средневѣковую фантастику, но вмѣстѣ съ тѣмъ не раздѣляю аргументаціи автора: если на западѣ можно было, вмѣ въ вѣдѣствія Псевдокаллистонова, создать сказочный миръ пресвитера Іоанна, то почему-бы и не въ Византіи, гдѣ могли существовать такіе же элементы чудеснаго? Нельзя же представить себѣ, чтобы помню Псевдокаллистонова ихъ не знали, и я не думаю, чтобы г. Истринъ рѣшился усилить свои аргументы указаніемъ напр. на внутреннее несоотвѣстствіе религиозной идеи первоначальнаго (византійскаго) посланія — и диковинокъ ея сказочной стороны. Вѣдь въ царствѣ пресвитера есть и мотивы религиозно-чудесной, христіанско-библейской фантастики, существенные — для идеи. Укажу хотя бы на десять когнитъ иудейскихъ, живущихъ во владѣніи Іоанна *ultra fluvium lapidum*. Авторъ касается ихъ въ связи съ вопросомъ о вліяніи на Епистолинъ разсказа еврейскаго путешественника конца IX в., Ельдада — о вышедшихъ въ Эѳіопію и южную Аравію четырехъ израильскихъ когнитъ и о сошедшихъ съ ними «сынахъ Моисея». На Ельдада смотрѣли, какъ «на одного изъ предше-

ствениковъ Посланія пресвитера» (стр. 9); «упоминаніе о десяти племенахъ стоитъ прямо за пользованіе Эльдадомъ; другіе случаи соприкосновения могутъ, конечно, объясниться и иначе: и у Эльдада и у редактора Посланія могъ быть одинъ источникъ. Но имѣя возможности рѣшить этотъ вопросъ, я ничего не могу имѣть противъ мнѣнія о пользованіи Эльдадомъ» — продолжаетъ авторъ. «Было-ли это пользованіе непосредственно изъ Эльдада или чрезъ посредство чего-нибудь другого — безразлично. Если пользованіе и было непосредственно изъ Эльдада, то едва-ли прямо изъ подлинника, навѣрное чрезъ посредство перевода; но какими могъ быть такой переводъ — греческимъ или латинскимъ? Не имѣя возможности рѣшить этотъ вопросъ положительно и отвергнуть существованіе греческаго перевода, а priori возможнаго, больше вѣроятности, однако, предполагать существованіе перевода латинскаго: латинскій языкъ былъ общелитературнымъ (?) языкомъ среднихъ вѣковъ» (стр. 10—11). Это предположеніе даетъ поводъ автору еще разъ высказать свой взглядъ на составъ Посланія: «въ томъ видѣ, въ какомъ оно дошло до насъ, оно не было переводомъ съ греческаго, а явилось на латинскомъ языкѣ, при чемъ сказочная сторона вставлена въ ранѣе сдѣланную quasi-историческую рамку» (стр. 11). Положеніе о переводѣ выражено не совсемъ ясно, если сравнить его съ тѣмъ, что сказано ранѣе (стр. 9): что сложившаяся въ Византіи христіанская часть посланія была переведена на латинскій языкъ, а дагѣе осложнилась сказочными мотивами. Сл. еще стр. 11: «разсматривая былинны о Дюкѣ и Посланіе Пресвитера мы видимъ, что сходство между ними находится только въ той части Посланія, которую я считаю переводомъ съ греческаго».

Въ чемъ-же состояла эта христіанская часть? О чемъ могъ писать Мануилу пресвитеръ Іоаннъ? Намъ указываетъ на христіанскую обстановку Пресвитера, на траву assiduos, надѣленную свойствомъ религіознаго характера (стр. 9); описаніе двора Пресвитера и царства Индійскаго также имѣло мѣсто въ византійской редакціи; вообще за вставочную, западную часть Посланія авторъ считаетъ §§ 14—46 по изданію Царике, хотя разграничить старое отъ новаго можно лишь приблизительно (стр. 11). Можетъ быть, и эпизодъ о десяти козлахъ израильскихъ, изъ Эльдада или нѣтъ, принадлежать старому составу, въ уровень съ его религіозной окраской.

До сихъ поръ мнѣ приходилось ставить вопросы на отвѣты или положенія, выставленныя г. Истринымъ. И это естественно, когда дѣло идетъ о началахъ и первоисточникахъ какого-нибудь литературнаго памятника, всегда окутанныхъ мглою. Дагѣе горизонтъ разясняется, и авторъ ведетъ насъ по пути, проторенному имъ самимъ. Латинская эпистола развивалась на западѣ, явились редакціи интерполированныя; за первыми, известными намъ текстомъ А слѣдовалъ В, уже освоенный; съ какой-то разновидности этого текста на славянскомъ югѣ и былъ сдѣланъ переводъ въ XIII—XIV вѣкѣ (сл. стр. 59 слѣд., § VIII). «Серб-

скую Александрію Ягичъ, а за нимъ А. И. Веселовскій отнесли къ Босніи и сѣверной Далмаціи. Туда же относятъ А. И. Веселовскій и сербскій подлинникъ бѣлорусскихъ Тристана и Бовы. Туда же слѣдуетъ отнести и наше сказаніе» (стр. 61). Я присоединилъ недавно къ той-же группѣ и Повѣсть о Вавилонѣ¹⁾. Южно-славянскій переводъ Сказанія; сохранившій кое-гдѣ латинизмы подлинника, переложень былъ по русски въ XIV вѣкѣ; отдѣльно онъ существовалъ въ спискѣ Карамзинскомъ, онъ-же включенъ въ русскую Александрію второй редакціи (XV вѣка). Этотъ видъ Посланія подвергся вполнѣ въ XIV—XV в. новой передѣлкѣ, употребившей латинизмы и существующей въ двухъ группахъ пересказовъ.

Тщательная, прощающая въ мелочи, работа автора надъ рукописнымъ преданіемъ сдѣлала результаты его изслѣдованія болѣе, чѣмъ вѣроятными. Сравнительно, мало, обращено вниманія на бѣлградскій текстъ Посланія, сообщенный автору г. Сперанскимъ. Ничего не сказано о времени, къ которому относится рукопись: «посланіе это представляетъ собою явленіе позднее», говоритъ авторъ (стр. 67) и пытается опредѣлить его отношеніе къ обычному тексту Епистолии. На мой взглядъ бѣлградская статья, можетъ быть, и поздній памфлетъ, но основанный на болѣе древнихъ данныхъ, косвенно освѣщающій тѣ идеи гордости и смиренія, объясненія которыхъ авторъ искалъ въ типахъ Дарія и Александра у Псевдокаллисена.

Представленіе латинскаго Посланія такое: пресвитеръ Іоаннъ пишетъ Мануилу о своемъ могуществѣ и своей землѣ. Онъ властвуетъ въ трехъ Индіяхъ; въ одно и то-же время пресвитеръ и царь надъ царями; ему прислуживаютъ соими князья, патріархи и епископы находятся въ его окруженіи. Его земля полна всякихъ чудесъ, но центръ тяжести лежитъ на самосознаніи пресвитера и христіанскаго владыки, шествующаго съ преднесеніемъ, крестомъ, бюстителя Гроба Господня; въ его областяхъ течетъ рѣка изъ рая, живутъ десять израильскихъ коленъ, покоятся тѣла Даниила и трехъ отроковъ: ветхозавѣтныя воспоминанія. Пусть императоръ Мануилъ явится послужить ему, и онъ будетъ возвѣщенъ.

Подъ Индіей, одной изъ трехъ Индій, разумѣлась Эѳіопія. Я обратилъ вниманіе²⁾ на библейскій характеръ эѳіопскаго христіанства, на самосознаніе правотѣрія, выразившееся напр. въ легендѣ о послѣднемъ царѣ отъ эѳіопскаго рода, легендѣ, нашедшей мѣсто и въ пророчествахъ о судьбахъ Византіи. Эѳіопскіе цари Соломонова рода, хранители скинии и — призванные бюстители христіанства, но отъ нихъ же пошли и владыкителі Византіи, Рима и Александріи. Соединеніе духовной и свѣтской

1) Сказанія о Вавилонѣ, скинии и св. Градѣ, Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ 1896 г., т. I, кн. 4, стр. 679.

2) См. мои Сказанія о Вавилонѣ и т. д. *raznim*. Пользуясь случаемъ, чтобы исправить опечатку на стр. 682, строка 12 снизу: *ав. Вавилонскаго* — Соломонова.

власти могло выразиться символически въ одномъ лицѣ, носителѣ той и другой: таковъ типъ пресвитера Іоанна; то-же соединеніе мы видимъ въ легендахъ о хранителяхъ св. Граля, и я указалъ, что ихъ генеалогическия отношенія также указываютъ на Жоюноу.

Противопоставимъ этому самосознанію политическаго и религіознаго вліанія — другое, православно-византійское, и мы поймемъ, какъ отвѣтить императоръ Мануилъ пресвитеру Іоанну. Онъ обрушится на его мірекую гордость, неприличную священнослужителю, и умоляетъ о святыхъ, у него обрѣтающихся; святыхъ честнаго креста, мощи, все это въ областяхъ Мануила, и послѣднимъ правотѣрнымъ царемъ будетъ византійскій. — Таково содержаніе бѣлградской статьи.

Попъ Іоаннъ пишетъ царю Куръ Мануилу: «о Божіе изволеніе, тако и азъ, грѣшный, плоть еси земли, и житіе мое бесмертно есть; того ради и азъ, грѣшный священникъ Іоаннъ, не вѣдѣхъ, что творѣхъ въ живота моемъ, и не помѣлѣхъ смерти, илѣ яко бесмертному бити въ вѣки; илѣ азъ не оумираю яко и всѣхъ члвчкъ». Слѣдуютъ мотивы извѣстной эпistolы: краткое описаніе палаты пресвитера; ему служатъ цари и епископы; есть у него церковь «на воздухѣ сѣтворена и ходи вѣтромъ на всѣ страны» Онъ царствуетъ въ двухъ Индіяхъ; далѣе идетъ описаніе различныхъ диковинокъ и приглашеніе Мануилу: придти и поклониться и принять дары своему царству на потребу.

Мануилъ отвѣчаетъ: «Попе Іване, самъ са се (не?) познаваше, що еси хвалишъся каменіемъ безцѣннымъ и маргаритимъ бѣлымъ, створившисѣ бесмъртень, а бесмъртень есть единъ Богъ, а ты оумрени, яко всѣхъ члвчкъ». Пошамъ слѣдуетъ хвалиться книгами честными и мощами святыхъ, не золотомъ; я же хвалюся святыми преподобными, мучениками, мощами. У меня Адамовъ рай «и доставаетъ на всѣко время всѣко оwoще, а оу мене есть црски венецъ стема, яже ми есть дана ѿ Бога царствовати ми на земле; и въ царствѣ моемъ ходи Христосъ съ аггелы своими и распется и въскресе; оу мене есть крсть, у мене есть коше, оу мене гвозді, оу мене есть трысть и глѣбъ, оу мене есть трыновъ вѣнецъ». Служать мнѣ двѣнадцать языкъ¹⁾, говоритъ Мануилъ, и снова возвращается къ укору: попу не слѣдъ хвалиться златомъ, а службами святыми; пусть явится къ нему, онъ дастъ ему мощей, сколько подобаетъ его святымъ. А царства моего вѣнецъ въ послѣдніе дни возьметъ архангелъ и отнесетъ на небо и предастъ въ руки Божіи. «Ты еси попъ Іоанъ, азъ Куръ Мануилъ».

Гордость и смиреніе распредѣляются здѣсь по ровну; дѣло не въ литературныхъ типахъ, а въ двухъ заявленіяхъ правотѣрія.

Загадочно, быть можетъ, по испорченности текста, выраженіе пресвитера, что онъ не умираетъ, какъ всякій члвчкъ, за что Мануилъ

1) Фрѣци = Фразы; а въ грѣ носить мечъ = Угре?; Татары, Комане, Сасы, Чехове, Русы, Бѣлгере, Власы, Сербле = Сербле, Турцы, Старцины = Срапины, Грѣци, Беслармене, Аржане, Сіріане, Иверы.

упрекаетъ его: створившисѣ бесмертень. Можетъ быть, имя Пресвитера вызвало въ памяти извѣстную легенду объ Іоаннѣ евангелистѣ? Я не рѣшаюсь привести въ параллель представленіе древнихъ старцевъ, хранителей Граля, которые не могутъ умереть въ теченіи столѣтій, пока не явятся на смѣну имъ ихъ наслѣдники.

Я считаю вѣроятнымъ, что большая часть фантастическихъ подробностей Епistolы принадлежитъ западной интерполации, что идея ея сторона, если я вѣрно ее понялъ, выразилась въ памятникѣ византійскаго происхожденія, но полагаю, что не одиѣ лишь сказочныя подробности привлекли впервые западныхъ читателей къ содержанію Пoсланія, а и идейное его совпаденіе съ религіозно-политическими задачами европейскаго общества. Однимъ сказочнымъ матерьяломъ не объяснить популярности Епistolы.

Александръ Веселовскій.

(Оттискъ изъ № 3 и 4 «Византійскаго Временника» 1897 г.).

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1897 г.

Непремѣнный секретарь, Академикъ Н. Дубровинъ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лп., № 12.

